

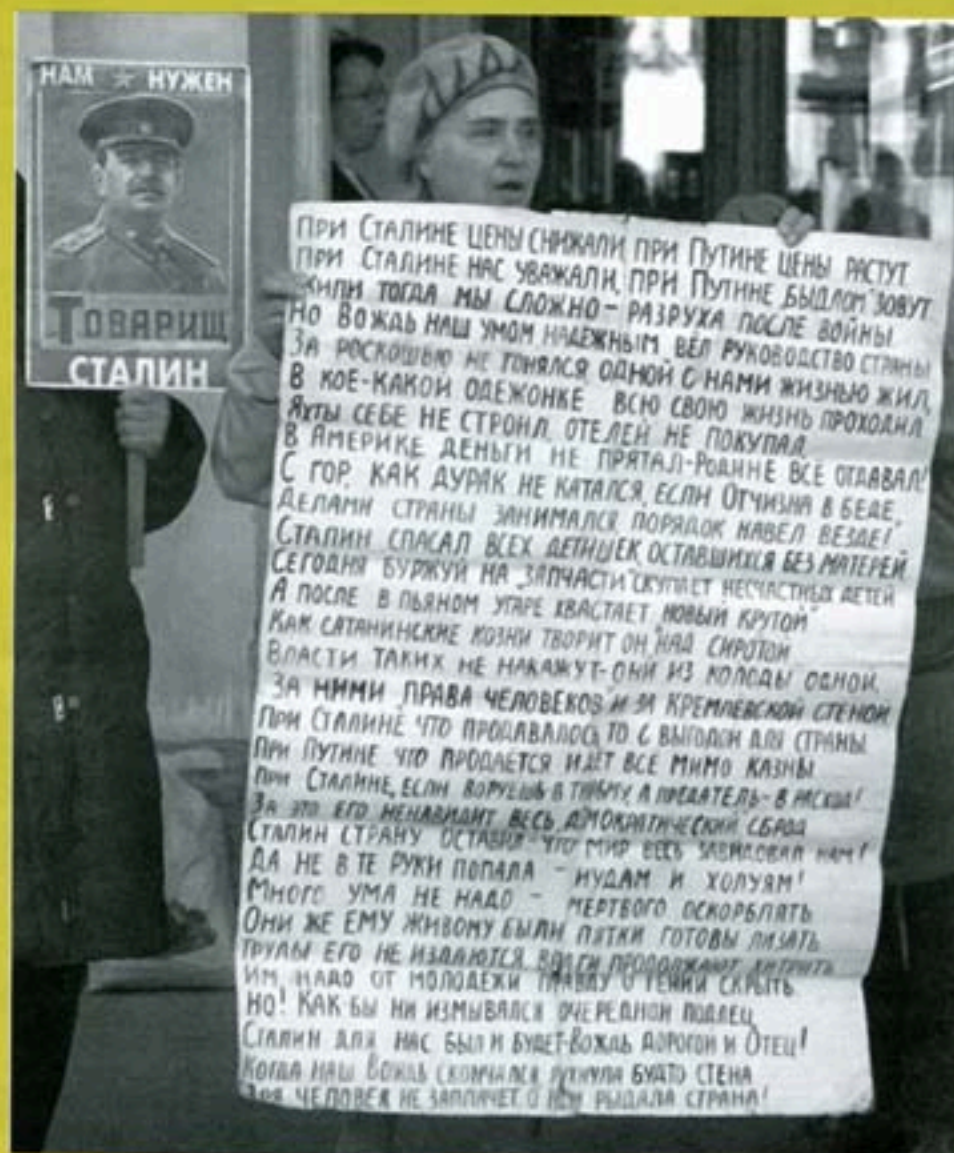
ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 65-й

#1586

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«Я убеждён, что никакое развитие страны, никакие её успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. Репрессиям нет оправдания».

Президент РФ Д.А. Медведев

30.10.09

№11
2009

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкарёв, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, В.Ж. Цветков, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru; posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом: Possev, Flurscheideweg 15, D-65936, Frankfurt a. M., Germany Tel. 34-7355; fax 34-3841.

http://www.posev.de E-mail: possev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректор *А.М. Самойлова*

Вёрстка *М.Ю. Родионов*

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 11 (1586) ноябрь 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

Колонка редактора	2
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Игорь Чубайс. Послание президенту	3
Сергей Маркедонов.	
Турция: новая геополитическая роль	7
Никита Кривошеин. Ум, честь и совесть	
Имеется в виду не КПСС	9
Антон Васильев.	
«Toyota» и другие солидаристы	11
Мирон Я. Амусья.	
Наука и обслуга	13
МОСТЫ ИЗ ПРОШЛОГО	
Валерий Сендеров.	
«Странное царствование»,	
или Завещание Николая	16
Н.Т. Никольский.	
Черногория: вчера и завтра	19
Дмитрий Соколов.	
Ревкомы Крыма как средство	
осуществления политики массового	
террора 1920–1921 гг.	22
ДЕНЬ СКОРБИ	
И НЕПРИМИРИМОСТИ	
Кирилл Александров.	
Трагедия России в XX веке	
и ее значение для современной	
православной миссии	25
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	
Зинаида Паргис.	
Черубина де Габриак. История	
второй дуэли на Чёрной Речке	33
Григорий Амнуэль. О праве и не праве,	
о кино, выборах и жизни	38
КНИГИ И ЛЮДИ	
Борис Соколов.	
Книга «Спор о варягах»	40
ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ	
Поездки	43
Юбилей	44
«Прекратить преследование учёных	
и вмешательство в исторические	
исследования»	47
ТОЧКА ЗРЕНИЯ	
Александр Арсеньев.	
Баку следует навсегда забыть о Карабахе 47	
ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ	
Алексей Кулыгин.	
Любовь к «отеческим гробам»... ..	48

*«И не надо бояться памяти
Тех не очень далеких лет,
Где затерян по снежной замети
Нашей юности горький след.
Там, в тайге,
Вдали от селения,
Если боль от обид остра,
Рисовали мы профиль Ленина
На остывшей золе костра».*

Это – Жигулин, 1962 год.

Шестьдесят лет назад, осенью 1949 года начались аресты членов созданной двумя годами раньше Коммунистической партии молодёжи, подпольной организации, целью которой её создатели видели борьбу за возврат советского государства к «ленинским принципам».

Спустя многие годы Анатолий Жигулин объяснял ситуацию так: «Живя в тиранической, наглухо закрытой стране, мы, 16–17-летние юноши, просто не знали никакой другой идеологии, кроме марксизма. У нас не было альтернативы. Главная суть, однако, не в названии, а в сопротивлении режиму тоталитарной власти».

Но сегодня?.. Скандал с появлением на отреставрированной станции московского метро «Курская» строчки из советского гимна, в которой упомянут Сталин, попытались сгладить, добавив ещё одну строчку из того же гимна, где упомянут Ленин.

Двадцать лет назад, 9 ноября 1989 года, правительство ГДР открыло границу с Западной Германией. Десятки тысяч человек двинулись к Берлинской стене. В городе царил ликование, в свете прожекторов можно было видеть, как рушится бетонное ограждение, которое многие годы имело значение символа.

На торжествах двадцатилетия падения Берлинской стены убедительнее всех выступала уроженка ГДР Ангела Меркель, котоая говорила о «счастливейшем дне моей жизни».

В этом ноябре отечественная демократическая оппозиция впервые с 1991 года высказалась в поддержку основных положений Манифеста КОНР, которому исполняется 65 лет (14 ноября 1944). Алексей Мельников из партии «Яблоко» дал комментарий, снабжённый фрагментом хроники. http://www.echo.msk.ru/blog/alex_melnikov_yabloko/633934-echo/#comment-form

«Варлам Шаламов в рассказе «Город на горе», – пишет А. Мельников, – приводит эпизод доставки осенью 1945 года в спецзону Джелгала репатриантов из Италии: «Для репатриантов это был конец пути, начавшегося в Италии, на митингах. Родина вас зовет, Родина прощает. С русской границы к вагонам был поставлен конвой. Репатрианты прибыли прямо на Колыму». Выгрузив из машины людей, «сделали обыск и привели в трепет всех. Опытные лагерные надзиратели извлекли на свет то, что прошло через десятки обысков на «воле», начиная с Италии, – небольшую бумагу, документ, манифест Власова!»

Что же это за «манифест Власова», который наш соотечественник вёз «за тридевять земель» из Италии и пронёс его «через десятки обысков»? Ведь не выбросил, сохранил. Что было в «манифесте Власова» такого интересного для этого человека, прибывшего в концлагерь системы, только что одержавшей «великую победу» над нацизмом, поставившей на несколько десятилетий под пяту коммунизма страны Восточной Европы?»

Обращение современной демократической оппозиции в России к памяти КОНР – явление новое и политически интересное.

Игорь Чубайс

Послание президенту

Предваряющие мысли. Уважаемый господин президент!

Вы опубликовали статью «Россия, вперед!», в которой признали наличие ряда проблем, сообщили о подготовке пяти инновационных проектов и пригласили читателей к обсуждению. Полемика рядового гражданина с лидером государства – жанр, мягко говоря, не совсем традиционный, но Вы сами предложили участвовать в дискуссии оппонентам, и я принимаю это предложение.

Прежде всего, надо сказать, что в основании Вашей статьи нет ни методологии, ни концепции, она отражает субъективное авторское видение. Вести полемику с таким подходом – все равно, что дискутировать с художниками, написавшими непохожие портреты одной и той же дамы. Но социальная теория (если она **теория, а не политтехнология**) – это не живопись, а наука. И потому подчеркну, что, как минимум, два сформулированных Вами тезиса, цитируемые газетами разных стран, нуждаются в срочной корректировке. Боюсь, они также подпадают под указ «против фальсификации истории». В тексте говорится о «вековой экономической отсталости» и «вековой коррупции», которые не дают России подняться.

Высказывания такого типа вообще не допустимы и никогда не делаются руководителями, они глубоко задевают гражданские и национальные чувства, угнетают общественное сознание. К сожалению, не все читали Василия Макаровича Шукшина, писавшего, что «за свою историю русский народ отобрал, сохранил, возвел в степень уважения человеческие качества, не подлежащие пересмотру – честность, совесть, трудолюбие и доброту». Не все помнят, что после Февральской революции была создана правительственная комиссия, проверявшая деятельность прежней власти и не выявившая сколько-нибудь серьезных финансовых нарушений.

Говоря точнее, рассуждения о «вековой коррупции и отсталости» как причине нашего отставания просто не соответствуют действительности и переваливают вину с большой головы на здоровую. Напомню, что на рубеже XIX и XX веков Россия стала страной первого евразийского экономического чуда. С 1890 по 1916 годы темпы роста ВВП были у нас самыми высокими в мире. Начало прошлого века ознаменовано реализацией блестящего технологического проекта – за 15 лет была построена уникальная транссибирская магистраль – Транссиб. Последний, действительно, является косвенным символом советско-постсоветской вековой отста-

лости, ибо за прошедшие 90 лет шоссейную трассу в том же направлении власти так и не достроили. Добавлю, что про «дураки и дороги» Гоголь никогда не писал, «две беды» – народное творчество нашего времени.

Так кто же обладает дурной генетикой – историческая Россия или советская? В поисках ответа обратимся к опыту Финляндии – так сказать «советского Тайваня», развивавшейся в составе Империи более века и не вошедшей в Совдепию. Суоми, где белое движение одолело красных, где 70 лет не строилось «светлое будущее», сегодня, со своим двухтысячьеuroвым ежемесячным среднедушевым доходом, входит в десятку наиболее развитых государств мира (в частности, и по технологиям, и по «некоррупционности»).

Но и то, что выросло из красно-тоталитарного корня – от Пхеньяна и Ашхабада, до Вильнюса и бывшего Восточного Берлина, развивается по-разному. **Страны и народы, отказавшиеся от «коммунистического» прошлого действительно движутся вперед.** Прежние территории России и СССР – Балтия, Польша – отвергли комидеологию и не являются лидерами по коррупции и технологическому отставанию, зато в Калининграде (части бывшей Германии) ставится цель в ближайшие 10 лет догнать Литву?! Добавим, что если Украине, при всей сложности существующих и создаваемых перед нею проблем, удастся распрощаться с большой советскостью, то и она выйдет на передовые позиции. Значит, **водораздел проходит не между вечно отсталой Россией и продвинутым внешним миром, а между ленинско-сталинским тоталитаризмом с его последователями и всем остальным историческим временем и социальным пространством.**

Между исторической Россией и СССР не меньший разрыв, чем между Третьим Рейхом и ФРГ. Советское уничтожало российское «до основания» с момента Октябрьского государственного переворота. Между СССР и исторической Россией Гражданская война, ГУЛАГ, раскулачивание, расказачивание, коллективизация, депортации, искусственный голод..., словом, комидеология и десятки миллионов уничтоженных русских людей... Как писал Солженицын, СССР соотносится с исторической Россией как убийца с убитым. Так какую Россию автор зовет вперед?

К какой России мы пришли, общая оценка. **Создавшееся в стране положение следует считать системным кризисом. Преодолеть его, сохраняя существующий политический механизм, невозможно.** Проявление кризиса многолико, оно в деградации, в остановке нашего устаревшего производства. **Россия, впервые за 80 лет, перестала**

* И. Чубайс, д.ф.н., директор Центра по изучению России. Первая треть была опубликована в «Новой газете» 28 октября.

быть индустриальным государством. Аграрный сектор лишь на половину покрывает потребности в сельхозпродукции, животноводство почти исчезло и потому еще выращиваемое в стране зерно некуда деть. **Россия перестала быть аграрным государством.** Мы живем, преимущественно, за счет сырьевого экспорта. Причем каждый пятый кубометр добываемого газа сжигается впустую, мы мировые лидеры по потерям, а российскую нефть перерабатывают страны-покупатели (как известно, продукты нефтепереработки в десятки и сотни раз дороже исходного сырья). Доказывать необходимость «полной перезагрузки» армии, милиции, ФСБ, судебных органов излишне.

Разговору о новых проектах на тонущем корабле должно предшествовать восстановление плавучести. Для этого необходимо проинформировать общество о затянувшемся кризисе, а затем начать поиск выхода из сложившейся ситуации.

Какие проблемы самые главные и как их решать. **Наша самая острая проблема – демографическая. Россия вымирает,** каждый год убыль превышает прирост почти на миллион человек. Так происходит не из-за низкой рождаемости, как твердят политтехнологи (она у нас не ниже, чем в странах Евросоюза). Материнский капитал делу не помеха, но не он решает проблему. Так происходит из-за **сверхсмертности** (появился новый термин, незнакомый прежним демографам).

Регулировать рождаемость крайне сложно, а вот управлять процессом смертности относительно легко. Главная причина происходящего – **целенаправленное снижение расходов на здравоохранение.** Даже в СССР средняя продолжительность жизни была 70 лет, сейчас у мужчин она доведена до 59! Половина родившихся в XXI веке детей в развитых странах доживет до 100 лет, а наши дети не дотянут и до 50! Граждане нужны государству как работники и спонсоры пенсионного фонда, но не как его потребители. Тяжело сознавать, что соотечественники, страдающие серьезными, но **излечимыми медицинскими болезнями** вымирают на глазах у всех. Государство их кинуло, переведя деньги в зарубежные фонды. Добавлю, что многие больные не самыми тяжелыми, но хроническими болезнями, также оказываются в безвыходном положении. Ведь официально бесплатная медицина у нас давно платная и запредельно дорогая. Обычные лекарства стоят 500, 1000 и 2000 рублей, а средняя зарплата – 7–10 тысяч рублей, про пенсии я и не говорю... У нас уже опустели десятки тысяч сел и деревень, закрываются школы, детские сады. Депрессивными негласно считаются многие области и республики. Теперь намечено «закрыть» и расселить несколько десятков моногородов... Впрочем, причины происходящего не только в повышенной смертности – кризис-то системный, – но и в коррупции, (о ней чуть позже) и в неэффективном управлении. В итоге средств, необходимых для своевременной модер-

низации предприятий, для обновления инфраструктуры, просто нет.

Показательно, что россияне, вынужденные эмигрировать в развитые страны, очень быстро встраиваются в новые стандарты продолжительности жизни, ведь расходы на здравоохранение там достаточные!

Наряду с урезанным бюджетом минздрава, другой важнейший «ускоритель смертности» – это алкоголь. Опекаемые властью СМИ не могут освободиться от советской лжи про «русское пьянство», которого никогда не было. **В 1913 году Россия занимала 70 место в мире по потреблению алкоголя** (4,7 литра на человека в пересчете на чистый спирт в год). Политика спаивания сложилась в советское время. К началу Перестройки соответствующий показатель составил около 10 литров на человека, а сверхспаивание происходит в постсоветские десятилетия. Теперь с 18-ю литрами на человека в год мы вышли на первое место в мире, притом, что медицинский предел, после которого наступает деградация всего общества, составляет 8 литров. Добавим, что и по потреблению табака нас вывели на 1 место в мире, а деятельность Госнарконтроля привела к тому, что уровень наркотизации России в 5–7 раз выше запада Европы...

Способна ли наша власть и хочет ли вернуть страну к норме?

Готова ли на 2–3 месяца ввести сухой закон и провести мощную информационную антиалкогольную кампанию?

Может ли изменить сформированные СМИ стереотипы и, прежде всего, вернуть общество к моральному осуждению пьянства?

Захочет ли государство последовательно, в течение нескольких лет сокращать производство и повысить цены на водку, убрать из продажи «Путинку», отлучить от зелья молодежь? Уточним, что предлагаемые основы программы преодоления не заработают, если созданную государственным телеканалами зловонную атмосферу лжи, растления и деградации не заменит свежий воздух свободы, творческого поиска, гражданской дискуссии!

Другая острейшая российская проблема – **раковая опухоль бюрократии.** Чиновничество, необходимое в любом государстве, в нашем случае функционирует как оккупационный режим, как пущенный по головам асфальтовый каток. Столоначальники не служат России, они обслуживают самих себя. Под расхляпывающие общество властные призывы сократиться, их численность постоянно растет. Необходимо отбросить демагогию, проявить политическую волю и приступить к реальному решению проблемы. Напомню, что сокращение госслужащих возможно и проводилось у нас неоднократно. (Бывший персек Н. Хрущев довольно эффективно уменьшил численность Советской армии на 600 тысяч и даже на 1 200 тысяч человек.)

Как это делается?

В нескольких центральных изданиях руководители всех управленческих структур должны назвать количество своих сотрудников. Параллельно представители гражданских организаций и независимых политических партий также выявляют численность чиновников. Затем приемы, которые столоничальники применяют по отношению к бизнесу и гражданам – лицензирование, квотирование, перерегистрация, экспертирование и т.д. – управленцев обязывают применить к самим себе. Начальники, по разработанным ими же правилам, сдают экзамены и набирают очки. Итогом должно стать механическое сокращение от трети – до половины «отстающих». Если какое-то ведомство не способно выполнить поставленную задачу, оно распускается полностью. Селекция бюрократии широко обсуждается и освещается в СМИ. Предложенный механизм запускают сначала в нескольких областях с последующим переходом на все регионы. По завершении этого этапа, процесс переводят на уровень федеральный. При наличии политической воли за полтора-два года задача может быть в основном решена. И тогда начнется следующий более дифференцированный и качественный этап сокращения. **Сокращение чиновников станет также началом реальной борьбы с коррупцией.**

Еще одна острейшая проблема и предварительное условие, без чего не имеет смысла рассуждать о новых проектах – **возвращение к демократии и гласности**. Мы и сегодня живем «под собою не чуя страны». У нас нет статистики, нет правдивых сведений о жизни государства, телевидение почти полностью освобождено от аналитики и рефлексии. Все это заменяет целенаправленное растление аудитории и оглушающий телехотот.

Страну формирует тот, кто контролирует финансовые и информационные потоки. *Чтобы создать условия для действительного продолжения начатой в России в прошлом столетии и прерванной большевиками модернизации, надо начать с малых, но конкретных действий.*

Давайте в течение месяца вернем в Москву выходящую теперь в Киеве программу «Свобода слова». Предоставьте Савику Шустеру и Евгению Киселеву возможность вернуться на наше телевидение. (Постыдные циклы «Дом 2», «Наша Раша», «Комедиклаб» надо убрать с экрана.) Собственно, возвращение программы «Свобода слова» может стать индикатором – сказанное в Вашей статье – это всерьез или нет.

Обсуждаемая публикация озаглавлена – «Россия, вперед!», но, как уже отмечалось, не ясен смысл обоих терминов, **что означает – вперед**, куда именно надо двигаться? Постсоветское государство почти 20 лет отказывается провозгласить свою идею, цель, правила и нормы, **не определяет свою идентичность**. После распада СССР у нас, говоря формально, появилось три возможности ее восстановления.

Что не должно быть, что реально происходит, и что же будет с Родиной и с нами?

А. Один из возможных псевдо-вариантов – превращение России в новое, уменьшенное издание СССР. Плавно восстановленная с 2000-го года гиперреклама сталинщины хорошо поработала на эту модель. В результате антирусские настроения в Центральной Европе и СНГ резко усилились, а внутри страны очки набрала компартия, с политическими исками в суды поползли мракобесы. Теперь власти вынуждены отыгрывать задний ход и через тот же Басманный суд «тормозить» жалобу младшего Джугашвили.

Б. Другой псевдо-вариант – полный отказ от всей своей истории и слепое копирование Запада – комментировать не имеет смысла.

В. Третий маршрут, весьма сложный, но единственно ведущий к исцелению – **Преимство с исторической Россией**. Вместо ленинского революционного «до основания», нам необходимо продолжить, насколько это еще возможно, **с учетом происходивших семь десятилетий изменений, с учетом достижений Запада**, великую российскую историю. Реформы начала прошлого века, преобразования С. Витте, П. Столыпина, Николая II надо вывести на уровень великой российской реформации. Советский период в двенадцативековой истории страны – это нечто подобное монгольскому игу, хотя и его одной краской не нарисовать. Как писал в 1918 году Василий Розанов, **«над русской историей опускается железный занавес»**. Необходимо занавес поднять. «Если мы хотим вернуться, время вернуться домой». Философия и стратегия Преимства выявлена и подробно описана нашей несистемной социальной наукой, но эта концепция сознательно игнорируется нынешней властью. Маршрут Преимства, фактически, опробован большинством стран центрально-восточной Европы.

За недостатком места, отмечу лишь одну составляющую этой концепции – идею перехода страны от экстенсивного роста, от собирания земель – к росту качественному, к философии обустройства. Политический класс, двумя ногами стоящий в прошлом, десятилетиями говорящий об инновациях, реально способен опираться только на примитивный сырьевой экспорт, строительство нефте- и газопроводов продолжается. При таких условиях, чем меньше население, тем выгоднее делить доход, тем богаче сами делящие. Поэтому «постсоветский Голодомор» вовсе не случаен.

Отказ от **качественного развития** приводит и к многим другим негативным последствиям, например, к целенаправленному разрушению системы образования. Среднее образование навязывает школьникам заменяющую познание натаскиванием и отвергаемую всей страной «систему ЕГЭ». В высшей школе, по признанию министра, 90% вузов не работает на уровне вузов. Гуманитарной подготовки не существует вовсе. Целенаправленно проводится политика качественного изменения состава населения, талантливую молодежь выталкивают за

границу, зато 10 или даже 14 миллионов «гастарбайтеров» с лопатами призваны в Россию...

Сказанное поясняет, почему **существующая власть под разными соусами 20 лет отказывается определить свои правила и нормы, предлагая взамен винегрет из трех описанных моделей.** Кремль занимает позиции то российские, то антироссийские, то советские, то антисоветские, то западные, то антизападные. Поэтому Ленин в Мавзолее, а убитый им Николай II – в Петропавловке, флаг у нас Российский, а гимн – советский, к Солженицыну приезжал Путин, а на Подрабинека наезжают поддерживающие Путина «наши»... Попытка соединить несовместимое уничтожает всякие правила и снимает вопрос об ответственности. Ведь отвечать можно за выполнение или нарушение правил, а если их нет – отвечать не за что. Не определяя свою идентичность, не определяя лицо, Россия, как часть всемирной социокультурной системы и мировой истории просто исчезает. Поэтому, без принятия обновленной и реформированной российской идеи, выстраивание новых проектов теряет всякий смысл.

Может ли президент принять радикальные решения. Способен ли нынешний ни за что не отвечающий политический класс, осуществить преобразования? Причинив России неимоверные страдания, вызвав небывалые потери, коммунистическая номенклатура не построила никакого коммунизма, как постсоветская номенклатура не приблизила нас к демократии. Деструкция продолжается и в самое последнее время, что можно проиллюстрировать несколькими подводными камнями выводов сюжетами.

Год «борьбы с коррупцией» заметно ускорил ее рост и увеличил размер взяток вдвое, декларации о сокращении госаппарата сопровождаются удвоением его численности за 10 лет. Три года назад единороссы объявили в своем программном документе, что их цель – «создать пояс дружбы вокруг России». В результате у нас не осталось ни одного союзника, а СНГ тихо умер. Народ призывают жить под лозунгом «Парламент – не место для дискуссии, больница – не место для лечения, наш главный враг – Украина». Впрочем, похоже, и сам парламент, его «оппозиционные» фракции это уже не устраивает.

Недавняя встреча премьера с литераторами подтвердила – СМИ больше не способны удерживать его рейтинг среди интеллектуалов. А тот «из интеллигенции», кто активно служит начальству, быстро теряет уважение и тянет авторитет руководителей вниз. Поэтому Путин поехал «набирать очки» не к «верному Михалкову», а к членам «Пен-клуба», хотя изначально ясно, что попытка сделать малоизвестного народу Архангельского новым Михалковым приведет к тому же итогу.

Говоря о неспособности власти к изменениям, стоит сказать о Саяно-Шушенской катастрофе. Авария на ГЭС вовсе не научила устранять ошибки, а вызвала драку политгруппировок. Но если глав-

ный инженер ГЭС создал «боковой бизнес» – ремонтирующую ее стройорганизацию, а главбух осуществлял финансовый контроль ремонтников, т.е. платил самому себе, то это и есть уменьшенная копия управляющей страной системы. Вся Россия – это Большая Саяно-Шушенская ГЭС, где исполнителей не отличить от законодателей, где Конституционный суд уехал не в Питер, а в никуда, где выборы и многопартийность имитируются, и где вертикаль власти стремится себя дополнить вертикалью мысли.

Наши начальники постоянно обещают выполнять социальные программы, оно и понятно, массовые антиурабовские выступления могут повториться. Однако на деле сохранение антисоциального характера государства остается одной из наиболее острых проблем и это связано не только с демографией. **Антисоциальность и коррупция – это сообщающиеся сосуды,** мздоимство – не просто взятки и откаты, на которые уходит половина госбюджета. Феномен коррупции шире, это создание чиновниками правил, при которых их служебное положение используется для личного обогащения. Когда начальников обяжали декларировать годовые доходы, многие изумились. Господин Шувалов расписался за 360 миллионов (по миллиону рублей в день), а Батурина декларировала более 7 миллиардов рублей (не иначе, деньги ей возят эшелонами?) – это годовая зарплата 50 000 учителей! Беда как раз в том, что толстосумы, скорее всего, не нарушили закон. Они просто сделали его таким, при котором миллиарды беспрепятственно текут в их карманы. Одновременно они вытолкнули на улицу 4,5 миллиона бомжей. И первое, и второе – в строгом соответствии с законом! Антисоциальный характер проводимой политики, несправедливая налоговая система не просто нарушают Конституцию, они разрушают человеческие правила и нормы жизни.

Сделаю еще одну ремарку. Если бы 40 лет назад, когда диссидент А. Амальрик написал статью «Просуществовал ли СССР до 1984 года» к нему прислушались, шансы сохранить целостность государства у нас оставались. Но историка наказали и лишили гражданства. Те же, кто активно работал на распад Союза, гордятся своим вкладом и сегодня преследуют А. Подрабинека, напомнившего им о недалеком прошлом. Если шайку шариковых власть и дальше будет использовать для травли людей совести, у России останется только прошлое!

Подытоживая, вернемся к вопросу – может ли власть встать на путь преобразования политической системы или это придется делать самому обществу? Хочется услышать ответ и от президента и от всех читателей. Ну а чтобы Россия действительно перестала пятиться назад, начать можно с:

- подготовки русского Нюрнберга – суда над советской системой;

- демонтажа существующей машины дезинформации, отмены цензуры и предоставления на

четырёх ведущих телеканалов голоса гражданскому обществу (но, разумеется, не оборотным, называемым иногда общественной палатой);

– разворачивания свободной общероссийской гражданской дискуссии.

P.S. Статья написана в канун оглашения президентского послания, значение которого изначально

но ограничено, поскольку не существует механизма его контроля (президент не отчитывается за предложения, сделанные год, пять или десять лет назад). Такой механизм должно создать гражданское общество. Предлагаю обсудить возможность формирования гражданской контрольной структуры.

Сергей Маркедонов

Турция: новая геополитическая роль

10 октября 2009 года Армения и Турция, подписав Протоколы о нормализации двусторонних отношений, не просто сделали очередной шаг навстречу друг другу. Процесс армяно-турецкого примирения еще не завершен. Однако важный промежуточный финиш уже успешно преодолен. 10 октября 2009 года в швейцарском Цюрихе были подписаны два принципиально важных документа «Протокол о развитии двусторонних отношений» и «Протокол об установлении дипломатических отношений» между двумя странами. Таким образом, Ереван и Анкара принимают на себя не только политические обязательства (все это уже принято с началом «футбольной дипломатии» и обмена добрыми намерениями), но и юридические. Два протокола определяют график открытия границы. Он таков: «В течение двух месяцев после вступления в силу Протокола о развитии двусторонних отношений между Республикой Армения и Турецкой Республикой». В двух документах фиксируется и то, как и когда будут установлены дипломатические отношения между двумя государствами. Стороны «договорились установить дипломатические отношения со дня подписания данного Протокола в соответствии с Венской конвенцией о дипломатических отношениях от 1961 года, обменяться дипломатическими представителями». Следовательно, говоря словами известного советского лидера, «цели ясны, задачи определены».

Две соседних страны, не имеющие до сих пор дипломатических отношений, впервые в ходе переговорного процесса приняли на себя конкретные обязательства. Как бы дальше ни развивалось примирение Анкары и Еревана (а без парламентской ратификации два цюрихских документа будут юридически ничтожными), уже сегодня можно сделать принципиальный вывод: время благих пожеланий и политически корректных заверений заканчивается, начинаются конкретные дела. Фаза «футбольной дипломатии» сменяется фазой других более интересных и сложных политических игр.

«Турецкая дипломатия переживает сейчас один из своих наиболее динамичных периодов». С та-

ким комментарием незадолго до подписания двух Протоколов в швейцарском Цюрихе выступил известный турецкий дипломат Ездем Санберк. В самом деле, Турция не просто подписала важные документы со страной, с которой ее если что и объединяет, то негативная историческая память. Анкара принципиально пытается изменить свое геополитическое «позиционирование» и в регионе Большого Кавказа, и в мировой политике, в целом. Тот период, когда Турция играла роль «старшего брата» Азербайджана в регионе, похоже, заканчивается. Сегодня Анкара пытается выйти на кавказские просторы, стремясь не связывать себя «родственными обязательствами». Турецкие дипломаты ведут интенсивное примирение с Арменией, даже отодвигая на время карабахскую проблематику. Впрочем, она забыта не будет. Если дело действительно дойдет до открытия армяно-турецкой границы, то Анкара усилит давление не только на Ереван, но и на «больших партнеров» (РФ, США, ЕС) в вопросе о «мягком принуждении» Армении к «прогрессу» на переговорах с Баку. При этом Анкара активна и в Грузии (ее бизнес стремительно проникает в эту страну, он является вторым по объему инвестиционного присутствия), что мешает все активнее открывать «абхазское окно». В этой связи показателен факт визита в Сухуми заместителя министра иностранных дел Турции Унала Чевикоца в Сухуми в сентябре 2009 года (спокойно воспринятый и в Вашингтоне, и в Брюсселе).

При этом Большой Кавказ является далеко не единственным регионом приложения внешнеполитических усилий Турции. «Турция заново открывает Ближний Восток». С помощью этой удачной метафоры американский аналитик известной корпорации «РЭНД» Стив Ларраби пытается описать те усилия, которые в последние годы предпринимает Анкара в этом крайне сложном для глобальной повестки дня регионе. И здесь у Турции уже есть позитивный опыт в реализации ее стратегии по «обнулению проблем» с соседями (то, что сегодня предлагается и Армении). В последние пять лет Анкара сделала серьезнейший прорыв в развитии двусторонних отношений с Сирией, хотя еще в начале 2000-х гг. отношения Анкары и Дамаска были «в минусах». В 2004 году

* Сергей Маркедонов, политолог, кандидат исторических наук, доцент РГГУ.

впервые в истории сирийский лидер (в данном случае Башар Асад) посетил Турцию. Сегодня же дипломаты двух стран в конструктивном ключе обсуждают такие вопросы, как разделение водных ресурсов Евфрата или противодействие курдскому движению. Это, среди прочего, сделало Дамаск намного более осторожным в подходах к признанию геноцида армян. Значительной коррекции в последние годы подверглась роль Турции в процессе урегулирования застарелого израильско-палестинского конфликта. Сегодня Анкара от односторонней поддержки еврейского государства пытается перейти к роли посредника в мирном процессе (в этом можно увидеть и некие претензии на большую эффективность по сравнению с США и ЕС).

На Балканах роль Турции менее «раскручена», однако она не менее весома. Здесь, что называется от участия в судьбе Косово, до заботы о поддержке соплеменников в Болгарии, единоверцев в Боснии и Герцеговине. Кстати сказать, турецкие партии (в первую очередь, «Движение за права и свободы») представлены в болгарских органах власти, где многие из них блокируют проекты по признанию геноцида армян в Болгарии. Несколько лет назад министерство культуры и туризма Турции запустило масштабный проект по реставрации архитектурных памятников периода Османской империи, расположенных на Балканах.

Однако все эти достижения последних лет, и тот «подъем», о котором упомянул известный турецкий дипломат Ездем Санберк, не пришли сами по себе. Они стали итогом сложного и напряженного процесса переосмысления, как ценностных основа, так и практик турецкой внешней политики после распада Советского Союза. По образному выражению видного турецкого политолога Мустафы Айдына распад СССР не вызвал в Турции большого энтузиазма. С одной стороны у Турецкой Республики появились новые соседи, проблемы (скрытые под тоталитарным прессом советской власти, взять хотя бы «армянский вопрос»), вооруженные конфликты в непосредственной близости от государственных границ. С другой стороны, выпадение из актуального геополитического контекста одной из опор «биполярного мира» привело в движение «пороховую бочку Европы» Балканы, а также создало качественно новую повестку дня на Ближнем Востоке. Роль США, как «коспонсора мирного процесса» неизмеримо выросла со всеми присущими этому процессу особенностями (в первую очередь, специфическим американским пониманием региона). Начиная с 1990-х гг. не арабские государства, а негосударственные сетевые структуры стали главным врагом Израиля и США (со всеми вытекающими отсюда последствиями). И, конечно же, такие масштабные геополитические изменения не могли не отразиться на этнополитической ситуации внутри самой Турции (в том же «курдском вопросе»). Все это заставило

Анкару пойти по пути существенной ревизии внешней политики, базировавшейся ранее на завоевках отца-основателя Турецкой Республики Кемала Ататюрка. Напомним, что Ататюрк, стремясь порвать все связи нового образования со старым османским прошлым, считал, что вовлечение Турции в различные региональные проекты (Ближний Восток, Кавказ, Балканы) должно быть по возможности ограничено. И до начала 1990-х гг. (за исключением краткого периода 1950-х, когда турки были активны на Ближнем Востоке) эта линия в целом выдерживалась.

Однако в эпоху харизматического президента страны Тургутта Озала (1927-1993) Турция впервые в республиканский период своей истории четко и недвусмысленно заявила о своей ответственности за историческое пространство бывшей Османской империи. Это было сделано во время знаменитого турне Озала по республикам Средней Азии и Азербайджану (оно произошло накануне его смерти в 1993 году). Но Тургутт Озал во многом опередил свое время, а потому подлинного расцвета дипломатического «нео-османства» пришлось ожидать почти полтора десятилетия. Он наступает с приходом во власть Партии справедливости и развития, которую в последнее время серьезные эксперты уже не называют «умеренно-исламистской», предпочитая рассматривать Реджепа Эрдогана и Абдуллу Гюля, как «исламских демократов». И здесь центральная роль в обосновании и реализации этого подхода принадлежит, конечно же, профессору Ахмету Давутоглу, нынешнему министру иностранных дел Турции.

Новая «нео-османская» внешняя политика Турции базируется на нескольких принципиальных позициях. Во-первых, она не видится исключительно в терминах национальных, а значит в известном смысле изоляционистских и провинциальных. Турция в нео-османском дискурсе - не периферия, не младший партнер НАТО и США. Она - важный компонент региональной безопасности, центр Евразии, надежный партнер соседних государств. Отсюда и идея Кавказской платформы, как своеобразного «кавказского ОБСЕ», и посреднические инициативы на Ближнем Востоке. Во-вторых (хотя по важности этот пункт не менее значителен, чем первый), «нео-османство» не является по своей природе и ценностным ориентирам антизападным направлением. Он призывает к равному диалогу с США и, особенно с ЕС. Но в то же время, как правильно отмечает Стив Ларраби, «недавнее сосредоточение Турции на Ближнем Востоке, однако, не означает ее полный разворот спиной к Западу. Нет никаких доказательств «ползучей исламизации» турецкой внешней политики, как утверждают некоторые критики». В-третьих, он базируется преимущественно на мягкой силе, а не на жестких схемах. Максимум «нео-османской» жесткости - это закрытие сухо-

путной границы с Арменией (притом, что с 1996 года воздушное сообщение между Ереваном и Стамбулом действует), политическая поддержка боснийских мусульман, а также признание Косово. «Обнуление» проблем с той же Сирией было достигнуто путем дипломатии, а не войны. И, в третьих, он не пытается рассматривать кемализм

и республиканские идеалы, как «провальные годы» и не рассчитан на возврат в «славное оттоманское прошлое» с его «светлыми идеалами». Он использует прочный кемалистский фундамент и пытается лишь дополнить республиканский дизайн новыми чертами, более адекватными миру после «холодной войны».

Никита Кривошеин

УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ

ИМЕЕТСЯ В ВИДУ НЕ КПСС

На протоиерея Георгия Митрофанова, автора книги «Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века» накинудись многие: как, он предлагает видеть во Власове трагическую фигуру, жертву сталинского режима? В этом предателе?

А вот в Германии две недели назад Бундестаг, - все партии вместе, - единодушно проголосовал за отпускную более чем тридцати тысячам немецких военных, расстрелянных и посаженных в годы Второй мировой войны «за измену присяге». Жертвами военных трибуналов вермахта и гестапо стали немцы в мундирах. У них на ремнях с пряжками готическим шрифтом было выбито *Gott mit uns* («С нами Бог»), хотя Гитлер с окружением были «окультистами», как нас уверяют. Эти реабилитированные сегодня военные вели пораженческую антинацистскую пропаганду, стремились попасть в плен, участвовали в саботаже. Во французском движении Сопротивления одним из добровольных осведомителей моего покойного отца И.А. Кривошеина (кавалера ордена Сопротивления, узника Дахау, а затем Озерлага в Тайшете) был майор Вильгельм Бланке. Он через отца передал в Лондон немало информации, почерпнутой им в штабе оккупационных войск во Франции. Случился провал: немецкий военный трибунал приговорил Бланке к расстрелу, отца к лагерям. Бланке работал по убеждению, хотел видеть свою родину свободной от нацизма, от денег за услуги сразу отказался, единственным условием поставил возможность проживания вне Германии после войны. В Музее антинацизма в Берлине Бланке давно отведён целый стенд. И это было сделано до всякой реабилитации Бундестага, которой пришлось ждать более полувека.

Как относиться к этим тридцати тысячам «германских власовцев», в большинстве не коммунистам? Как оценить решения фельдмаршала фон Паулюса: после пленения в 1943-м он и многие офицеры вермахта не за лучшую пайку, а по совести создали в СССР комитет «Свободная Германия», участвовали в пораженческой агитации в германских войсках?

Кто они, враги народа? Изменники родины? Ускользнувшие от бдительного гестапо «антинацистские элементы»?

Кстати, русская эмиграция во время войны во Франции в большинстве своём встала на антигитлеровские позиции - почти все критики о. Георгия Митрофанова ссылаются на отказ Деникина сотрудничать с оккупантами. Но те же эмигранты сразу после окончания войны помогли бывшим власовцам и «перемещённым лицам» скрываться от советских репатриационных миссий, которые за ними охотились и вывозили в СССР на расстрелы и в лагеря. Огромную помощь этим несчастным оказала в Париже эмигрантская семья Курис.

Смогут ли отыскать квадратуру этого порочного круга якобы православные, а на самом деле коммунисты-сталинцы, кинувшиеся охаживать отца Георгия Митрофанова, а заодно «литературного власовца» Солженицына и историка Николая Сванидзе за «внедрение в сознание масс пагубного западнического либерализма»?

Эти авторы - увы, среди них есть и лица духовные, отказывают русской белой эмиграции в причастности к России, якобы ими «добровольно» утраченной. И упрекают в том, что их жизнь прошла без целительных лагерей и ссылок.

Буду им благодарен, если они скажут, как следует поступать немцам (да и нам, как оценивать ситуацию?) с Вильгельмом Пиком и Вальгером Ульбрихтом? Ведь их от прекрасной нацистской родины укрыл в Москве Коминтерн? Что думать о Конраде Аденауэре, Томасе Манне, Бертольде Брехте и Марлен Дитрих, «сбежавших» в США? Изменники-невозвращенцы?!

Как немцам следует относиться к тем двум перебежчикам (кажется, коммунистам), которые 20 июня 1941 покинули свою часть, перешли границу и сообщили советским пограничникам о готовящемся нападении на СССР? Для «нас» они были героями, но, если не ошибаюсь, Сталин распорядился им не верить и в благодарность за информацию расстрелять...

Можно ли провести некую аналогию между «Молодой гвардией» и антинацистской организацией «Белая роза»? В этой группе состояли моло-

дые интеллигенты протестанты Ганс и Софи Шоль, православный Александр Шморель. Они распространяли антигитлеровские листовки, были арестованы и казнены. Александр Шморель особо почитается Русской православной церковью за рубежом. Быть может, участники «Белой розы» заслужили ещё больших проклятия и забвения? Ведь они действовали против своей страны, такой, какой она тогда была. Но исходя из христианского долга как они его понимали.

Авторов, утверждающих, что у власовцев мотивы были только шкурнические, что ими двигало желание худшего для России, – легион. Немало околоцерковных сайтов, блогов, печатных СМИ дают им приют...

Считаю за благо перенести эту одиозную полемику на светские страницы.

Отца Георгия самого едва ли не обвиняют в переходе на сторону врага: доводы наступающих нелепы, многословны и однообразны. Ограничусь лишь одной цитатой: «Да, это было страшно и не дай Бог нам увидеть что-то вроде раскулачивания, ГУЛАГа и воронок по ночам, но если бы этого не произошло, сейчас уже не было бы не только русского народа, но и многих других, примкнувших к нему лет 200 назад племён. Большевики воссоздали страну после либерально-революционного погрома ценой жизни миллионов её сыновей и дочерей».

Из сёрдоболия к автору этой фашистской и действительно «языческо-окультистской» белиберды не называю его имени, но он профессор...

Дело не в желании «защитить» Власова, и тем более Гитлера. Война началась между социализмом расистским и социализмом универсальным («пролетарии всех стран...»). Отечественной она стала довольно скоро: когда народы России почувствовали, что вермахт вовсе не армия-освободительница от большевиков, а те же колхозы, Бабий Яр, казни заложников и насильственные вывозы в Германию. Когда т. Сталин из инстинкта самосохранения стал во время войны открывать церкви, распустил Коминтерн и начал взывать к Димитрию Донскому, к «братьям и сёстрам». Плюс погоны, новый гимн... всё это внушило и русской интеллигенции (Пастернак, Твардовский...), и многим простым людям надежду на декоммунизацию СССР после победы.

А Власов, его генералитет и офицерство, что ж, действительно персонажи трагические. Если вспомнить Софокла с Еврипидом: довольно быстро они осознали, что выхода нет, выбрать наименьшее зло не получилось. Это ли не трагедия?

В местах исполнения наказания (лагерь Дубровлаг) я застал последних пребывающих там рядовых из РОА. Чаще всего это были не очень грамотные крестьянские дети, у которых на глазах красные комиссары-горожане разрушали церкви, отнимали последнее у близких, раскулачивали, насаждали колхоз с поборами и недоеданием, потом шли аресты, теплушки и лагеря. А у других мобилизация, па-

ническое отступление, окружение. О Треблинке они не знали.

Солженицынский образ власовской РОА, «копей, мечущихся в горящей степи», абсолютно точен. От соседей по бараку, рано состарившихся от сидения, я неоднократно слышал: «Что Гитлер, что Ус – один фуй». Вот и весь спрос. У меня эти сосидельцы вызывали, не боюсь сказать, сочувствие.

Власов – совсем не главный герой книги о «запретных темах». Главное – то, что именно книга священнослужителя о. Георгия оказалась детонатором жесточайшей полемики, в которую вовлеклись самые разные круги, в том числе церковные.

Решение дилеммы, кому быть верным, России или Советам, или им обоим в одном лице, частично (исчерпывающий ответ невозможен) дано в «Основах социальной доктрины Русской православной церкви»: не должно христианину исполнять приказов, противоречащих вере и морали (цитирую по памяти). Действительно: правильный выбор по совести между добром и злом приоритетен по отношению к чувству этнической верности – тем более когда свой этнос начинает заниматься антропофагией!

Задача этого текста – не миссионерская агитация за православие, оно в нём не нуждается.

Да, Церковь должна заниматься политикой. «Слесарю – слесарево» – так говорилось при диктатуре пролетариата. И она делала это даже в советские годы – священники, несмотря на запреты, с амвона говорили, что аборт – грех. Папа Пий XI издал энциклику *Mater et magistras*, в которой отлучил от церкви коммунистов и голосующих за них. Святой Патриарх Тихон занимался политикой, отвергая большевиков. Патриарший местоблюститель Сергей, свободно, и до Сталина, призвав к защите Отечества, выступил как политик...

О полемике вокруг РОА и книге протоиерея Георгия Митрофанова сказали свое слово Синод РПЦЗ и архиепископ Марк Берлинский – это тоже церковное различие правды и неправды.

Пример этих жёстких экзистенциальных диспутов и попытка найти ответы на сложнейшие вопросы – это пример того, как церковное слово способствует «химчистке», психотерапии, начавшихся давно: 5 марта 1953-го. И без книги о. Георгия тема продолжала бы оставаться спящей инфекцией в коллективном сознании.

В постсоветском обществе, ещё поныне не протрезвевшем от большевизма и застоя, не излечившемся от страха, лишений и спровоцированного ими цинизма, Церковь (тоже всем перечисленным, увы, поражённая) всё же стала умом, честью и совестью нашей эпохи.

См. также: Радио Свобода. Время политики. Разговор о патриархе Кирилле, о генерале Власове. Гость программы – писатель, переводчик Никита Кривошеин

<http://www.svobodanews.ru/content/transcript/1828534.html>

Антон Васильев

«Toyota» и другие солидаристы

Из пепла войны

Середину двадцатого века бывшая великая и гордая Империя Ниппон, Страна Восходящего Солнца, встретила, пребывая в небывалом за всю её историю унижении. Её ландшафт после американских ковровых бомбёжек немногим отличался от лунного. Два города были полностью сожжены атомными бомбами, остальные лежали в развалинах. Огромные потери в живой силе должны были вызвать катастрофу в экономике, тотальная безработица – взрыв преступности. Японии угрожали коллапс и гибель.

...До Второй мировой войны японская экономика развивалась традиционно для всего мира, копируя западную корпоративную систему: буржуа-рабочие, имущие-неимущие. Крупный капитал появился в конце XIX века, как стремление правительства Мэйдзи догнать западные страны. Корпорации, включая 5 знаменитых «дзайбацу» (семейные клановые мануфактуры, основанные в позднем средневековьи) – «Mitsubishi», «Mitsui», «Sumimoto», «Furukawa» и «Yasuda» по очень низким ценам приватизировали государственный текстиль, медные рудники, судовой металлургии и пр.

В те времена, «строго по бородачам», богатые делались богаче, бедные-беднее. Рабочие, нещадно эксплуатируемые и лишённые гарантий занятости, активно пополняли ряды японской коммунистической партии и социалистов вообще.

После поражения в войне дзайбацу, прежде всего «Mitsubishi», производившая боевые самолёты, были запрещены генералом Макартуром, как символы японского милитаризма. Остались лишь военные технологии в сохранившихся чертежах и головах инженеров. Они объединялись с менеджерами, чтобы изготавливать и продавать одежду, обувь, посуду и другие предметы первой необходимости.

Возрождающаяся из пепла японская промышленность была больше похожа на сельские артели, чем на городские фирмы. Люди вместе жили, работали, делили прибыль и преодолевали трудности. Если кто-то из «верхов» пытался управлять по-старому, эксплуатируя голодных рабочих, «низы» сразу и сплошь бастовали. Во многом Японии помогла вновь поднять голову Корейская война, когда Макартур осознал, откуда исходит настоящая опасность.

Бизнесмены, получая прибыль, сразу инвестировали её в расширение производства, платили жалованье членам общины, и те превращались в персонал новых корпораций. Несмотря на поправившиеся дела, фирмы сохранили атмосферу артелей или общин, спасшую их в годы невзгод. Она оказалась целительной.

Партнёры, а не наёмники

Общинники-персонал создавали, на первых порах, небольшие, корпоративные профсоюзы, чтобы обеспечить лучшую коммуникацию с руководством и справедливое участие рабочих в прибылях. Компания, (по-японски «тя-ин»), – группа людей, где каждый является партнёром основателя, а не наёмником. В японских корпорациях смягчены отношения собственности, господства и подчинения, отсутствует жёсткая регламентация действий. Внутри фирмы ведётся активный обмен информацией, принятие решений происходит на основе консенсуса, с предварительным обсуждением проблемы.

Солидарность, взаимозависимость и взаимобязанности по отношению друг к другу у японцев удивительны.

Рабочие и руководство являются едиными трудовыми группами. Групповая деятельность включает в себя любые виды коллективных обсуждений и поисков решения. В японских офисах популярны обсуждения новых проектов в стиле «нэмаваси»: сотрудники вправе выдвигать самые невероятные идеи, задавать начальству любые, даже нелепые, вопросы без боязни быть осуждёнными: «А вдруг додумаются до чего-нибудь новаторского и прибыльного?»

Японская компания сформирована из множества трудовых групп, структурно представляя собой пирамиду. Всюду есть старшие и младшие, ведущие и ведомые. В результате складывается довольно монолитная статусно-ролевая норма поведения. Большое значение имеют социальные регуляторы поведения, например связанные с чувством обязанности, благодарности ко всем тем, кто когда-то оказывал содействие, в чем-то помогал. Эти социальные нормы предписывают старшему быть любезным с подчинёнными, а подчинённому – умерять свой пыл и чаще благодарить старшего. Таким образом, в системе взаимоотношений по вертикали (шеф – подчинённый) в Японии пересекаются две формы – официальная и межличностная. В результате все производственные отношения регулируются социальными нормами.

Принимая на работу новое лицо, японская фирма гарантирует ему многое, в частности, пожизненное трудоустройство при условии верности корпорации. Если его образование недостаточно или не соответствует профилю фирмы, его учат без отрыва от производства.

Фирмы, стремясь создать *семейную атмосферу*, отмечают денежными премиями значимые события в личной жизни сотрудников. Свадьба, рождение ребёнка, смерть родных и вообще любое счастье и несчастье находят коллективный отклик сослуживцев в виде материальной и моральной поддержки.

С нашей точки зрения – доходит до курьёзов. Токийская фирма «Hills Colgate Japan» начала выплачивать своим сотрудникам разовые пособия и вручать подарки по случаю рождения или смерти... их домашних животных! Служащий, купивший, скажем, кошку, получает 10 000 йен (примерно 80\$ США), и столько же, если она окотится. Такая же сумма выплачивается в случае смерти животного, плюс *однодневный оплачиваемый отпуск* и письмо с соболезнованиями!

Представьте в наших условиях: «У меня Барсик сдох, отгул и премию дадите?...»

Японский начальник не знает, что такое персональный кабинет, «зайдите завтра» и секретарша, коллекционирующая шоколадки. Он сидит в общем зале, лицом к подчинённым. Если кабинет у него всё-таки есть, дверь не закрывается, чтобы все видели его. Если сотрудник засиделся на сверхурочной работе до темноты, начальник обязан выдать ему талон на такси.

Задача начальника – не руководить работой, которую выполняют другие, а способствовать взаимодействию сотрудников, оказывать им необходимую помощь, формировать гармоничные отношения в группе.

Менеджеры прославленной «Toyota» говорят: «Если разместить рабочих хаотично, то вряд ли они смогут друг другу помогать. Распределяя работу и расставляя рабочих, старайтесь разместить их так, чтобы они могли помогать друг другу и работать вместе».

Подробный рассказ о возрождении Японии на этих принципах – тема для книги, а не для статьи. Приведу лишь несколько примеров. Уже в 60-е годы некогда известная в мире меломанов, а затем захиревшая, американская фирма «Victor Company», производившая патефоны и радиолы, была куплена японцами, переименована в «Japan Victor Company» и через несколько лет стала... Прочтите название фирмы по первым буквам, и объяснения не потребуются. В 60-е годы японцы уже учили американцев, как делать грузовики...

«НЕ КЛАССЫ И НЕ СОСЛОВИЯ, А ТРУДОВЫЕ ГРУППЫ ЯВЛЯЮТСЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОСНОВОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ТРУДОВОГО ОБЩЕСТВА».

Нет, это не устав японского концерна. Это – Схема Национально-Трудового Строя, 1944 год. НТС.

Японская солидарность завоёвывает США

В те годы Европа отказалась ввозить мясо птицы из Америки. В ответ Штаты обложили импортные грузовики 30 процентным «куриным налогом». Чтобы обойти его, европейские импортёры начали ввозить грузовики без платформ, так как они в таком виде считались сборочными узлами, а платформы ввозили отдельно. Японцы из «Toyota Motor» тоже решили обойти этот налог, но пошли другим путём – начали производить эти платфор-

мы в Лонг-Бич, штат Калифорния. Американцы получили 600 рабочих мест. Но вскоре «Toyota» нашла более дешёвую рабсилу в Мексике...

Подобное событие в США – идеальный повод для классовой схватки между рабочими и хозяевами. Но юрисконсульт «Toyota», американец Дэннис Кьюнео, рассказал, как японское руководство договорилось с персоналом:

«Кто же нынче содержит производство в Калифорнии? Многие компании ищут повода закрыть заводы... Но наше высшее руководство в Японии решило, что несправедливо наказывать людей, которые делали всё, что от них требовали. К тому же, это вызвало бы негативную реакцию тех, кто работает на других заводах... Я скажу так: самое важное, что у нас есть – это люди, и об этом никогда не следует забывать...»

Вместо того, чтобы уволить 600 рабочих, фирма устроила им праздник и жертвовала на общественные организации штата. Затем поручила заводу производство 68 000 двигателей в год для новой модели грузовика – а бизнес в Калифорнии из-за частых пожаров и землетрясений ох, как недёшев!

Большинство американских бизнесменов сочло бы это чудачеством и безрассудной тратой капиталов. Но поборники солидарности мыслили не на уровне квартального отчёта, им было важнее, чтобы рабочие и потребители *не утратили к ним уважения!*

Вот плоды этой стратегии: в 2007-м году каждый рабочий «Toyota» внёс в среднем 40 предложений. Приятно управлять фирмой, сотрудники которой постоянно проявляют инициативу по улучшению собственной работы и деятельности всей компании?

В середине 80-х (и это на рейгановском подъёме!) завод «Jeneral Motors» во Фримонте, Калифорния, при новом японском руководстве из «Toyota» превзошёл по производительности и качеству автомобилей все заводы компании в Северной Америке. Дэннис Кьюнео, уже старший вице-президент фирмы, вспоминает, как перешёл от жёсткого противостояния профсоюзов и работодателей к солидарности со своими рабочими, опираясь на японскую философию менеджмента:

«Несколько лет назад большое строительство рядом с испытательным полигоном в Аризоне поставило под угрозу водоснабжение всех прилегающих территорий. Работавшие там японцы с «Toyota» создали гражданский комитет для противодействия. Но, вместо того, чтобы занять антагонистическую позицию, фирма стала добиваться согласия сторон: потенциального застройщика, населения близлежащих городов и местных властей. В конце концов, консенсус был найден: строители согласились выделить 200 акров земли и несколько миллионов долларов на развитие инфраструктуры, которая требовалась для восполнения расхода грунтовых вод. Каждый галлон использованной воды компенсировался

покупкой галлона воды для пополнения водоносного слоя».

Мэр города, застройщики и гражданский комитет – все спорящие стороны – согласились, что японская фирма обошлась с каждым из них честно и удовлетворила все стороны по всем вопросам...

Город решил в долгосрочной перспективе проблему истощения подземной водной артерии, а местное население перестало беспокоиться неконтролируемой застройкой. Японские «согласатели» обеспечили сохранность прилегающих территорий на ближайшие 50–100 лет!

Юрист Ричард Маллери: «Достижение консенсуса означает веру в разум. Давайте уладим дело. Это – сочетание здравого смысла и прагматизма с честностью и непревзойденным мастерством. Мы вели политическую кампанию, но «Toyota» и в голову не приходило кого-то дискредитировать!»

«ТАК КАК НЕ БОРЬБА, А СОЛИДАРНОСТЬ ЯВЛЯЕТСЯ ДВИГАТЕЛЕМ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ...» Впрочем, это тоже не японские менеджеры. См. выше, указ. соч.

Главное – не прибыль, а интересы общества

Известнейшие японские фирмы, такие, как «Hitachi» и NEC, переучивают заводских рабочих на агентов по сбыту или техников, даже программистов, только бы не допустить, чтобы люди оказались на улице!

При уходе на пенсию в качестве прибавки к государственному пособию по старости компания начисляет выходное пособие в размере до 40 месячных окладов.

Вместо того, чтобы увольнять людей и нанимать новых, фирмы предлагают людям гарантию занятости, продвижения по службе на основе стажа и возможности для развития. Они ориентированы на людей. Они вступили в эру активного предприятия, где стратегия и организация пребывают в гармонии, где сотрудники вовлечены в управление фирмой и продвигают общую систему ценностей, борясь за общее дело.

Японские фирмы – не механизмы по производству денег, а организации, в первую очередь призванные служить интересам общества и только во вторую – приносить прибыль.

Результат – океанский остров, сотрясаемый землетрясениями и цунами, почти не имеющий собственных полезных ископаемых, является второй в мире экономикой и теснит США на «капитанском мостике»!

ТАК РАБОТАЕТ СОЛИДАРИЗМ.

Сверхбогатая Россия, делай выводы...

Использованные источники:

1. Муртаг Найал. Гайдзин на службе в Mitsubishi. – Москва, «Добрая книга», 2008.
2. Канбан и «точно вовремя» на Toyota. – Москва, «Альпина Бизнес Букс», 2008.
3. Лайкер Джеффри. Дао Toyota. – Москва, «Альпина Бизнес Букс», 2008.
4. Прасол Александр. Япония. Лики времени. – Москва, «Наталис», 2008.
5. Кеничи Омае. Мышление стратега. Искусство бизнеса японски. – Москва, «Альпина Бизнес Букс», 2008.
6. Окорочков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). – Москва, «РУСАКИ», 2002.

Мирон Я. Амуся

Наука и обслуга

КАК И КУДА УХОДИТ ВРЕМЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ВЫСОКОГО УРОВНЯ

«Говорят, у нас в институте завёлся тигр. Именно он съел двух старших сотрудников. И никто ничего не делает». «Ничего. Съест уборщицу – сразу отловят».

Старая байка

Когда-то и где-то читал, что основная задача руководства крупного научного коллектива на Западе – в первую очередь организовать работу вспомогательного персонала так, чтобы учёный не мог отвлечься от своей основной задачи даже при его желании. Именно поэтому там директор научного института – лицо часто сменяемое, задача которого обеспечить мягкое и безотказное управление, на основе установленных научными финансистами, в первую очередь – государством – законов и об-

щих принципов. Разумеется, далеко не всегда и не везде это удаётся, так чтоб бюрократ-столоничальник был в обиде и обустроился хуже учёного. Конечно тот, через кого идут деньги и документы, не будет притеснён и себя не обидит, к примеру – ни выбором комнаты, ни условиями в ней. Однако и полное принесение в жертву интересов научного работника в угоду удобства бюрократии – институтской или университетской – явление в развитых странах крайне редкое.

Кардинально иначе обстоит дело в России, где бюрократия совершенно не считается со временем, чувством достоинства и регалиями научных работ-

* Автор – профессор физики Санкт-Петербург – Иерусалим.

ников. Давно и напрочь забыто, что не будь этих людей – бюрократия научно-образовательного комплекса просто осталась бы без работы. Сейчас же она процветает, постоянно растёт численно и территориально, занимая всё большие и лучшие помещения, претендуя и получая вполне сопоставимую с остепенённым научным сотрудником зарплату, а нередко и на много её превосходящую. При этом бюрократия выполняет в основном контрольно-ограничительную работу, проводя идущие сверху распоряжения, иногда просто абсурдные, абсолютно ничем не способствуя реализации тех целей, во имя которых созданы университеты и исследовательские центры.

Мне удобно проиллюстрировать сказанное конкретным примером «одного дня Мирона Янкелевича», представив ту, почти полностью ненужную беготню, которой я занимался при оформлении командировки за границу (в близкое зарубежье), творческого отпуска на длительный промежуток времени и ремонта своей и ближайшего сотрудника, тоже доктора наук, комнаты.

Чтобы поехать на конференцию, например, в Украину, помимо приглашения, необходимы деньги с какого-либо гранта и финансовая помощь приглашающей стороны. Средств на командировки, абсолютно необходимые для сохранения связей с бывшими странами СССР, для обмена опытом с западными и японскими коллегами не имеют ни главные научные сотрудники, ни заведующие лабораториями, ни члены РАН. А ведь эти поездки абсолютно необходимы с тем, чтобы не допустить окончательного разрыва плодотворных связей, да и каналов влияния, столь успешно разрушаемых политиками.

Итак, чтобы «добыть» деньги, надо обратиться в Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), заполнить весьма длинные вопросники и про себя, и про конференцию. Это делается через интернет. А вот на необходимой бумажной версии для РФФИ нужна резолюция главбуха – т.е. первая существенная пробежка по корридору власти, а затем – в канцелярию нам дорога, за печатью – больше некуда. И лишь затем просьба о деньгах идёт в Москву.

В случае положительного ответа, уже после покупки билета, узнаёшь, что – ура! – деньги дали только на дорогу. Остальные пусть платит хозяин конференции, на свою голову тебя пригласивший. Не случайно поётся – «пусть проигравший платит, кляня свою судьбу!». А энергетическая супердержавка не может оплатить поездки своих учёных – средств не имеет. «Стабилизационный фонд» у государства есть, но стабилизация страны в целом и командировки каких-то научных работников – вещи сугубо разные, не правда ли? Россия вам не Китай какой-нибудь, научные работники которого не кланчат денег на проживание и организационный взнос у организаторов конференций. А в России получение денег на дорогу обеспечивает ещё

и много пробежек задолго до конференции. Да и как иначе? Не может же далёкая дорога начинаться без первых-то шагов, а?

А их ещё много, этих первых шагов. Помимо получения денег, надо написать обоснование целесообразности поездки с ответом на десяток по существу ерундовых вопросов, типа что ты там сделаешь, кто «они» – хозяева и откуда и т.п. Затем подписать это обоснование у своего непосредственного начальника (разумеется, он больше тебя знает, надо или не надо ехать!), потом взять подписи в отделе кадров и у руководителя отделения, чтоб цвела, как бесплодное древо, вертикаль власти. Разумеется, обоснование с копией приглашения и описанием финансовых условий поездки следует занести в иностранный отдел, предварительно подписав у двух разных заместителей директора института. К каждому – свой поход и заход, а ещё отдельную бумагу – у экономиста отделения, чтобы получить аванс. Без этого аванса потом денег из твоего же гранта выплачивать нельзя – *департамент бюджетной политики и методологии* (!) министерства финансов не велит. А аванс мне выдали на сто (100!) рублей – больше не было, что равно трём долларам. А цена билета в Киев и обратно в сто раз больше – 10600 р.! Этот аванс дают после подписи бухгалтерии (с 14 до 16.30, очередь непременно), подписи заместителя директора по экономическим вопросам – сегодня в одной папке оставить, завтра – послезавтра в другой взять, т.е. пройтись два раза.

Отмечу, что все резолюции имеют лишь контрольный, но не финансирующий смысл – они следят, чтоб бумаги были в порядке, но денег не дают. Новый круг беготни начинается после возвращения из командировки. Нужно написать отчёт и получить визу непосредственного начальника на нём (кто лучше его знает, справился ли ты с возложенным?!), получить визу экономиста, простоять полуторачасовую очередь в бухгалтерии для проверки финансового отчёта. Здесь выясняется, что общепринятый сейчас электронный билет требует какого-то труднополучаемого от компании подтверждения расхода. «Такую бумажку из компьютера каждый может сочинить», – вежливо и тонко говорит – намекает дама, принимающая отчёт.

Распоряжение о необходимости доказательства покупки разослал по учреждениям упомянутый уже выше департамент, который, как сам и пишет, «в рамках своей компетенции рассмотрел» этот сложный вопрос. Его вердикт: «*Должен быть выдан документ, подтверждающий проведённую оплату перевозок, оформленный на бланке строгой отчётности*». Но ведь цель авиакомпаний была именно от этих документов избавиться! Поэтому получение такой бумаги – непростая задача – надо поехать в компанию, ежели на свою беду купил билет по интернету, написать им письмо и недели через две получить ответ. Это явно уже вне «одного дня»...

Затем опять пробежка к заместителю директора по экономическим вопросам. Два дня ни «вещичек нет её (обещанных папок «на подпись» и «подписанные» не нахожу), ни записочки». Этак четвёртый визит на третий день успешен – можно сбегать в канцелярию и отправить отчёт в Москву, в РФФИ. Мелочь, но конверт нужен свой, а я его, как на грех, забыл. Тут выясняется, что его, драгоценного отчёта, один экземпляр канцелярия забирает себе. Хорошо, что я, как считал, по ошибке, всюду совал два! Предусмотрительным я оказался, как тот, другой, «один день» которого столь широко известен. Запасливость хороша, и на мгновение согрела душу. Тут же охлаждение: деньги за билет нельзя перенести прямо на карту, добавив к очередной зарплате. Нельзя, да и только – чиновнику неудобно. Так что – вперёд, в кассу, с её своей очередью, длиной в моём случае как минимум в час...

Оформление творческого отпуска для поездки за границу на сравнительно длительный период потребовало беготни ничуть не меньшей. Напротив, там к традиционным подписям и пробежкам добавилась необходимость получить санкцию научной библиотеки (кто особенно и гостит-то в ней в век интернета?), да и художественной, а также материального отдела бухгалтерии.

Ну, а как у «них»? Ряд лет я в основном живу и работаю в Иерусалимском университете. Оформление командировки там требует, при наличии денег на неё (а если нет – то нет и командировки), одного захода к секретарю и через пару дней на пять минут в расчётный отдел. Деньги получаешь либо на банковский счёт, либо прямо в аэропорту, при вылете. Отчёт о расходах – краткая бумажка, передаваемая тому же секретарю. Отчёта о поездке – нет. О планах работы и отчётах там приходится писать лишь в связи с исследованиям по грантам. Полный профессор оформлением этой муры в связи с лично своей деятельностью просто не занимается.

Кстати, не могу не рассказать и о том, как недавно решил отремонтировать свою рабочую комнату в ФТИ, которую уже давненько не приводили в порядок. Мне опять-таки, пришлось побегать, собирать подписи, использовать (определённо, в нарушение существующих правил) деньги с грантов. Примечательно, что евроремонты помещений служб им ничего не стоят, да они и не имеют грантов, но на них – хватает государственных средств, а на нас – нет. Помню, как проверяли покоеечно использование нами средств с некоего американского гранта: чтоб только на дело, но не на чайник

или стул. А когда зашёл к чиновнице, ведающей этими грантами, то обнаружил, что весь кабинет у неё заставленным мебелью и хозяйственным оборудованием, купленным на отчисления от наших грантов!

Да что я, со своей беготнёй и комнатой, всего какой-то главный научный сотрудник, создатель научной школы в 25 кандидатов и 12 докторов наук, автор 11 книг и 450 работ. Тут академик РАН, физик мирового значения, недавно получивший высшую награду России – Государственную премию, человек, которого президент России поздравляет в связи с юбилеем, ютится вместе с целым выводком талантливейшей молодёжи, привлечённой в науку блеском его таланта, на антресолях института, как ничейная бабушка у Ильфа и Петрова. Это притом, что бухгалтерия, плановый отдел и т.п. занимают прекрасные комнаты. А член-корреспондент РАН, лауреат Ленинской и Государственной премий имеет кабинетик раза в два меньший, чем у начальника отдела труда и зарплаты. Обстановка обеих этих комнат просто несравнима.

Увы, явление это не новое. Помню, как лет тридцать назад гостил у меня председатель совета ректоров и президентов университетов ФРГ проф. цу Путлицц. Выступая на семинаре, он в паузе присел на стул раньше, чем мы успели его остановить, и тут же упал на пол: стулья наши были все полусломаны, и сидение на них требовало искусства, а лучших мы не сподобились. Когда, находясь у замдиректора по хозяйственной части, я обратил его внимание на кричащую разницу в обстановке наших кабинетов, он ответил: «Но ко мне же постоянно заходят люди!». А мы кто?!

Описанная картина характерна, и типична для множества, за редчайшим исключением, научных учреждений России, где мне приходилось бывать.

Всё это можно считать мелочами, о которых уважающий себя человек не только говорить, но и думать не должен. Ведь работали же люди вроде Рамзина, Туполева, Королёва в шарашках, а затем и в закрытых зонах. Однако то было другое время, и у этих людей просто не было выхода. Сейчас же он, выход, да и выезд, наряду с ним, – есть. А потому нечего удивляться обилию российских фамилий с нероссийским местом работы. И это не проявление транснационального характера науки. Это строго направленный процесс усиления наук тех стран, где работать удобно и приятно за счёт того места, где наука в важнейшей сейчас иерархии получения оказалась ниже её услуги.

Валерий Сендеров

«Странное царствование», или Завещание Николая

*Вотще! Преемник твой стяжал успех, сокрытый
В главе твоей. - А ты, непризнанный, забытый
Виновник торжества, почил – и в смертный час
С презреньем, может быть, вспоминал о нас!*

А. Пушкин

«Эпоха великих реформ». Так привыкли мы называть царствование Александра II. И эта высокая оценка справедлива. Судебная реформа, акцизная, масштабное самоуправление, военная реформа, освобождение печати, автономия университетов. И, прежде всего, разумеется, — реформа крестьянская. Круто менялась при Александре российская жизнь...

Неудивительно, что в публицистике тех лет мы сталкиваемся с такой же оценкой. Конечно, не только с нею: у реформ всегда находятся и непримиримые противники. Их аргументы понятны и порою вполне убедительны: поспешные реформы бьют по традициям, загоняют страну под европейский утюг.

Впрочем, непримиримых было на редкость мало. Во всяком случае, среди пишущих, образованных людей. Константин Леонтьев, Михаил Катков вошли в историю публицистики как столпы последовательного, жесткого консерватизма: трудно себе и представить, что как завзятые либералы начинали свою общественную деятельность даже они. Необходимость серьезных реформ ощущалась, похоже, почти всеми.

Но ощущалось в воздухе и нечто иное. «Двойственное царствование», «странная эпоха»... Эти неопределённые, нейтральные названия оказываются присвоенными с неожиданной прочностью эпохе великих реформ. Странные определения. Странные ярлыки. И «pro», и «contra» реформаторской деятельности в принципе элементарны. От идеологии и до практики включительно. Реформы могут удаваться или нет, быть недостаточными, быть чересчур радикальными. Как только ни титуловали пережитые нами недавно реформаторские эпохи; но странными — кому бы пришло в голову их назвать?

Готового ответа на наши недоумения в документах эпохи мы не найдём. Адресованы они современникам — которые, надо полагать, в свой черёд ощущали в александровском воздухе ту же, что и авторы статей, двойственность и странность.

Попробуем и мы вдохнуть этот воздух. Трудно обрисовать заранее важность выводов, которые нам предстоят. Но при всех условиях — стоит того: речь-то идёт, как бы то ни было, о переломной, важнейшей эпохе нашей истории.

Начало александровского царствования ничего особенно освободительного не предвещало. Как бы не наоборот. Через два месяца после воцарения Александр запрещает публичные богослужения на старообрядческом Рогожском кладбище. Затем

увольняет в отставку Бибикова, министра внутренних дел. Вряд ли кому пришло бы в голову заподозрить в Бибикове либерала. Но в конфликте в Юго-Западном крае министр встал на защиту крестьян: бесчинства польской шляхты и немецких баронов давно были дикостью в глазах Петербурга. Александр же вполне однозначно высказывал свою точку зрения на крестьянский вопрос. В 1848 году дворянин Огильви представил Цесаревичу записку об освобождении крестьян. «Правительство отнюдь не имеет намерения изменить отношения помещичьих крестьян с их владельцами», — был ответ.

Место Бибикова занял граф Ланской. «Государь повелел мне ненарушимо охранять права, венценосными его предками дарованные дворянству». Так написал бывший либерал, масон, декабрист по случаю своего назначения на высокий пост. Противников преобразований министерский циркуляр заслуженно воодушевил, его даже пришлось напечатать вторично.

Кажется, всё было ясно: перемен — не ждите. Но в манифесте о заключении мира с державами коалиции (март 1856) сказано уже нечто другое. «Каждый под сенью законов, для всех равно справедливых, всем равно покровительствующих, да наслаждается в мире плодом трудов своих», — говорилось в Манифесте. Означала ли хоть что-нибудь эта безликая фигура официальной риторики? Закон равно покровительствует всем сословиям — каждому в своём качестве. И уж, конечно, равно справедлив к помещикам и к их крепостным. Только и всего. Можно представить себе обстановку в стране, если столь невинная фраза отозвалась всплеском ожиданий, тревог... От Государя почтительнейше потребовали ответа: что в действительности означают столь сакраментальные слова? И вот тут-то и произнёс Александр ставшую исторической, многократно цитированную позже речь.

«Слухи носятся, — ответил Царь, — что я хочу объявить освобождение крепостного состояния. Это несправедливо, а от этого было несколько случаев неповиновения помещикам. Вы можете сказать это всем направо и налево. Я не скажу вам, чтобы я был совершенно против этого: мы живем в таком веке, что со временем это должно случиться. Я думаю, что и вы одного мнения со мною; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу».

Этот перл свободолобия совсем уж потряс общество. Тем более что отступить Александр не собирал-

ся. «Да, говорил и не сожалею о том», – досадливо, но твёрдо отвечал Царь на недоумённые вопросы.

Так начиналось освобождение. Словно бы сдвинулся, наконец, с места тяжёлый, давно нагруженный и готовый к поездке воз. «Нетвёрдой поступью, без определённого плана, с какою-то стихийною непреклонностью», – так виделось современникам-мемуаристам начало движения. Сомнамбулически, то и дело надолго замирая, взялся за дело молодой монарх. Но каждый раз – встряхиваясь, пробуждаясь заново. Словно какая-то неподвластная Александру грозная сила упорно вела его вперед.

И в этой воистину странной атмосфере многим вспоминалось, надо полагать, начало царствования предыдущего.

«Я не понимаю, каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе – как хитростью и обманом, с одной стороны, и невежеством – с другой. Этому должно положить конец... Крепостное право причиною тому, что у нас нет торговли, промышленности»... Николай Павлович, как видим, высказывался о крепостном строе несколько решительнее, чем его сын. «Войну крепостному рабству» Николай с начала царствования объявил главным делом своей жизни. Но чтобы воевать – нужна армия; где её взять? «В правительстве нашем происходит большое движение по вопросу об уничтожении крепостного права. Государь Император вновь и с большою энергией изъявил свою решительную волю касательно этого великого вопроса. Разумеется, тем более решительной воли и искусства обнаружили окружающие его «отцы отечества», чтобы отвлечь его волю от крайне неприятного им предмета. Искренно разделяет желание Государя Императора только один Киселёв»... Так в 1847 году писал Виссарион Белинский. Впрочем, работа всё-таки шла. Огромная, растянувшаяся на всё николаевское тридцатилетие работа.

И эта предварительная работа была необходима: без основательнейшей юридической подготовки свободу дать нельзя. Можно объявить всеобщую волю – вскочив, для вящей убедительности, на броневик... Но со свободой такая воля ничего общего иметь не будет.

На грядущую свободу и работали 108 «крестьянских» законов николаевского царствования, они охватывали едва ли не все стороны жизни подопечных. Помещикам было запрещено уступать своих крестьян для работы на шахтах, ссылать в Сибирь, передавать свои права приказчикам. Указы запрещали продавать крепостных отдельно от их семейств, а также продавать крестьян лицам, не имеющим населённых имений. Помещиков, «изобличённых в жестоком со своими крепостными людьми обращении», ждало заключение в смиренном доме, имения их брались в опеку (такие случаи исчислялись сотнями). Однако проекты, ограничивающие права землевладельцев распоряжаться своей недвижимой собственностью, законами, за редким исключением, так и не стали.

Иногда Николаю казалось: можно, наконец, приступить и к главному делу. И Царь предпринимал попытки окончательно разрешить крестьянский вопрос. Начать казалось естественным с уже цивилизованных, европейских губерний страны. Увы. Мы часто представляем себе самодержавие в духе какой-нибудь лубочной сказки: Царь-Государь повелел – челядь почтительно кланяется в пояс. Действительность же в XIX веке давно уже была совсем иной: цивилизованные помещики благополучно проваливали начинания своего императора. Порой не без активной помощи наследника престола...

Наступил 1848-й, Россия смотрелась теперь крепостью в кольце европейских пожарниц и мятежей. А в осаждённой крепости – не до освобождений: теперь уже и сам Николай решительно отодвигает выношенные планы.

Позор Крымской войны оказался для Царя переносимым. Бытует и посейчас версия о самоубийстве Николая. Вряд ли христианин-император и вправду насильственно прервал свою жизнь. Но подобные слухи (вспомним для сравнения «уход» Александра в непроходимые дебри Сибири...) очень точно передают атмосферу эпохи.

«Сдаю тебе команду, но не в таком порядке, как хотел бы. Оставляю много трудов и забот». Так сказал Наследнику умирающий Николай.

Всё это было ещё свежо в памяти современников начала реформ. И решительные николаевские планы. И громоздкая бюрократическая машина – долженствующая выполнять приказы своего создателя, но упорно буксующая при попытках пустить её в ход. Потом – полутаинственная смерть Императора... Странные, до конца не объяснимые, порождаемые какою-то *стихийною непреклонностью* действия его сына...

Немудрено при всём этом, что возник и упорно держался ещё один слух. Будто, в дополнение к известным, «официальным» словам Николая, был и ещё один предсмертный его наказ. Будто Царь тайно взял со своего наследника слово: *довершить великое дело освобождения крестьян*.

Если эту версию принять – многое становится понятным. Александр мог хотеть или не хотеть освобождения. Это уже не имело никакого значения. Человек чести, Наследник просто *вынужден* был сдержать обещание, данное умирающему отцу.

Существовало ли, однако, в действительности это всеобъясняющее завещание Николая? Казалось бы, спустя полтора десятка лет этот вопрос может вызвать интерес лишь у узких специалистов. Или наоборот – у сочинителей популярных романов. Но нет: он становится подчас предметом достаточно широких, «научно-общественных», если можно так выразиться, дискуссий. И ничего странного в этом нет. Речь в действительности идёт – не больше и не меньше – о концепции русской истории XIX века.

Чёрная реакция... николаевщина... контрпетровский переворот... Порождённые непримиримым

конфликтом Николая и общества, такие оценки имеют на своей стороне немало ярких публицистических имён. В клеймении предреформенной реальности трогательно сходятся Герцен и Ленин; менталитет советского марксиста, менталитет интеллигента-либерала – оба одинаково изнывают в ненависти к ней... Что ж – эпоха действительно была суровая. И если мыслить «николаевщину» изолированно, в отрыве от всего последующего – можно принять популярную оценку как эмоциональную и не спорить с ней.

Да только вот в чём беда. «Николаевщина» проживает в нашем сознании как неперемнная часть исторического триптиха: за ней следуют хорошая эпоха Александра II и плохая – следующего царя. А такой подход порождает, по меньшей мере, два интересных вопроса.

Вопрос первый. А откуда, собственно, эпоха великих реформ взялась? Преобразования – их ведь, напомним ещё раз, готовить приходится. К Манифесту об освобождении, например, был приложен объёмистый том Положения о крестьянах. «Правила о людях, вышедших из крепостной зависимости в Бессарабской области», «Дополнительные правила о приписных к частным горным заводам»... Что – Александр с пятью-семью помощниками сели и за пару лет написали всё это?

Но более концептуально важен вопрос второй. Касается он уже не начала «странной эпохи». А продолжения её – и её конца.

После убийства отца Александр III круто сменил курс страны... Отставка Лорис-Меликова и других либеральных министров... Обычно мы удовлетворяемся таким описанием смены парадигмы. Однако оно далеко не достаточно.

Реформы и контрреформы не уместаются в головах трёх-пяти министров, в огромной мере они – явление общественного сознания. И эпохи Александра III это касается в полной степени. Отдадим контрреформизму должное: он был прекрасно идеологически оснащён. Развитое, разработанное славянофильство; концепция «России и Европы»; первые евразийские изыскания; панславизм; «третьеримство»... Всё это не выдерживало ни логической, ни исторической критики; но в идеологии – не о том ведь речь! Перед нами полноубийственный духовный коктейль, он вмёртвует сивушил сознание. Сознание, ставшее законченно антиимперским: символом предпоследнего царствования стало чуть прикровенное (и то не всегда!) отрицание петровско-николаевской эпохи.

Удивительно, но обычно не замечается: *почти все эти теории изготовлены, разработаны, доведены до совершенства – в эпоху реформ!*

При Александре II Россия, казалось, навсегда «прописывается» в Европе. И по всем «фактам», в материальном, так сказать, плане это действительно было так. Но одновременно сознание окончательно становилось изоляционистским, антиевропейским, антипетровским. Оно окунало в дрему-

чую азиатчину приходящую *на поверхности* к общеевропейским нормам страны.

Как? Почему? Чем всё это можно объяснить?

Объяснять этот феномен в данной статье мы не будем: нельзя смешивать много важных вопросов в один комок. Констатируем лишь *наличие* проблемы. А также то, что в рамках зачинаемого «николаевщиной» исторического триптиха эта проблема *абсолютно* не объяснима.

Разумеется, то, о чём мы пишем, давно известно профессиональным историкам: процесс радикального переосмысления николаевской эпохи начат известным историком-кадетом Александром Кизеветтером около века назад. Сегодня этот процесс вступил в новую фазу. И ладно бы только в России. С нас что взять: оправдание авторитаризма, путинский заказ. Но неоднозначные, а то и прямо позитивные оценки николаевского царствования бытуют и в американской исторической науке. Их-то там – какой Путин закупил?

Сторонники ревдемовских ярлыков не сдаются. Колом в горле у них встаёт завещание Николая: простой факт его наличия обесмысливает рассуждения о чёрной реакции без всяких дополнительных усилий. А в таких условиях самое утешительное – окаянный факт просто-напросто отрицать.

«Откуда взял историк это «завещание сыну», остаётся его тайной. Никаких документальных подтверждений он не приводит. Да и выглядело бы такое завещание в высшей степени нелогично»... Так, для примера, начинает ответ одному из своих оппонентов Александр Янов («Загадка николаевской России», стр.203). Далее же он красноречиво доказывает: треклятого завещания не только не было, но и быть не могло. С убедительными рассуждениями маститого учёного мы спорить не будем. Раскроем лишь волнующую его тайну.

«Николай I, указывая на отсутствие вокруг него людей, сочувствующих освобождению, не делал исключения в пользу своего Наследника и на смертном одре с него взял слово совершить это дело» (Русский Архив, 1897, №9, стр.622). Таково свидетельство А.О. Смирновой – авторитетного, хорошо информированного о происходящем в императорском дворце мемуариста.

Завещание Николая – действительно было. Тень последнего великого Императора стояла за спиной Александра II, водила его рукой, подписывавшей Манифест.

И факт этот достаточно важен. Это было бы уже не так в обезличенном и утилитарном, *псевдонимном* XX веке. Но в середине XIX-го Россия была ещё полупатриархальной, дворянской страной. А в такой стране это чрезвычайно важно: *кто* и *как*. Двойственность николаевско-александровских преобразований даёт ключ и к упомянутому нами выше «идеологическому парадоксу» реформаторской эпохи.

Впрочем, эту тему мы договорились не развивать в настоящей статье.

Н.Т. Никольский

Черногория: вчера и завтра

5 августа 1914 года собравшаяся в тогдашней столице Черногории Цетинье местная Скупщина призвала короля Николая помочь братьям-сербам и объявить войну Австро-Венгрии. Король внял просьбам законодателей, и уже 7 августа австрийскому послу барону Отто были возвращены верительные грамоты. Австро-венгерское посольство убыло из Цетинье в Каттаро (так в то время назывался принадлежавший Австро-Венгрии город Котор), а черногорцы, не дожидаясь, пока австрийский дипломатический персонал пересечет границу, начали артиллерийский обстрел сопредельной территории Далмации.

Так, с полным соблюдением дипломатических формальностей, это крошечное королевство с населением всего в 250 тысяч человек (зато с численностью армии военного времени в 45 тысяч человек, поскольку военнообязанными считались все черногорские мужчины от 18 до 62 лет) вступило в Первую Мировую войну на стороне Антанты.

Что же представляла тогда из себя Черногория?

Надо сказать, что история этой страны героическая, настолько, что зачастую невозможно отделить, где правда, а где – патриотический миф. Но факт остается фактом: Черногория была единственным государством на Балканах, так и не покорившимся туркам! В семидесятые годы девятнадцатого столетия о черногорцах услышала вся Европа, когда они вступили в неравную схватку с Османской империей, и, правда с помощью России, вышли из нее победителями! Они даже удостоились похвалы от английского премьера Гладстона, не любившего расточать таковые, особенно славянам!

Но время шло. Кончился девятнадцатый век, наступил век двадцатый. Черногория окончательно уступила лавры лидера южных славян Сербии, а сама превратилась в отсталую страну, где в порядке вещей была кровная месть, в своеобразные «задворки Европы». Конечно, в Черногории предпринимались попытки реформ, но в королевстве, где подавляющее большинство населения было неграмотно, преобразования шли с большим скрипом. Так, например, свод военных законоположений и воинские уставы появились в черногорской армии только в 1910 году, а до этого она вполне обходилась и без этого. В них просто не видели необходимость, ведь храбрые юнаки со склонов Ловчена били турок и без всяких уставов!

Но Балканские войны 1912–1913 принесли с собой горькое похмелье. Стало ясно, что одной отвагой врага не одолеть. Черногорская армия, вооруженная «берданками» с дымным порохом и русскими пушками времен войны 1877–1878 гг. несла тяжелые потери под Скутари. Кроме того, наблюда-

тели отмечали, что черногорские командиры некомпетентны и не готовы к современной войне, а войска обучены крайне неудовлетворительно. И в Петербурге задумались: а нужны ли вообще такие союзники, особенно, когда в Европе всерьез запахло порохом. Николаю II даже предлагали постепенно свернуть помощь Черногории, а все усилия обратить на ее объединение с Сербией. Причем такие голоса раздавались не только в далекой России, но и в самой Черногории, особенно среди молодого поколения, получившего образование в Белграде. Летом 1914 активно зрел заговор, направленный против действующего короля Николая, в результате которого он должен был отречься от престола, а страна – объединиться с Сербией. Его реализации помешало сараевское убийство.

Вообще черногорский король Николай I Негош был личностью колоритной. Князем он стал в 1860 году, оказавшись первым светским главой государства (до него во главе Черногории стояли митрополиты-владыки, которые передавали свою власть от дяди к племяннику). В день пятидесятилетия своего пребывания на престоле Николай, не мудрствуя лукаво, увенчал себя королевской короной. Человеком он был высокообразованным, писал неплохие стихи и умел преподнести себя любой аудитории. Он превосходно чувствовал себя как среди полудиких пастухов из окрестностей Подгорицы, так и в ложе парижской или венской оперы. По характеру Николай был чрезвычайно скуп, а в преддверии Первой Мировой войны к тому же оказался в центре финансового скандала. Биржевые спекуляции принесли королю дурную славу. Даже собственные депутаты обвиняли его в том, что деньги, поступающие для Черногории по подписке из России, в конце концов оседают в августейшем кармане.

У Николая были четыре дочери, которым он устроил блестящие партии. Так, Милица стала супругой великого князя Петра Николаевича, Анастасия (Стана) была сначала выдана за герцога Лейхтенбергского, а затем вышла замуж за великого князя Николая Николаевича, Елена стала королевой Италии, а Зорка – Сербии. Однако последний факт не делал отношения между Белградом и Цетинье слишком уж теплыми. Например, в 1907 году в королевском багаже нашли две бомбы (правда, без взрывателей), которые, по мнению экспертов, были изготовлены в Сербии. Главы многих черногорских кланов желали, чтобы их страна объединилась с Сербией, а Николая Негоша считали досадной помехой к этому. Более того, австрийцы активно вбивали клин между Сербией и Черногорией, играя на их противоречиях. Но как показало время, усилия Вены не увенчались успехом.

Когда, в ходе июльского кризиса 1914 года, австрийцы предложили Николаю территориальные уступки в обмен на нейтралитет в предстоящей австро-сербской войне, он с негодованием отверг это предложение и отправил королю Петру Карагеоргиевичу в Белград телеграмму, в которой говорилось, что он и его народ всецело на стороне Сербии. И слово свое Николай Негош сдержал.

Несмотря на то, что черногорская армия не имела кавалерии и современных полевых орудий, она сразу взяла с места в карьер. Уже в первые дни войны были заняты небольшой городок Будва на адриатическом побережье и несколько деревень близ австрийской крепости и военно-морской базы Каттаро. Черногорские отряды, проникшие в южную часть Боснии и Герцеговины, принесли немало головной боли австрийскому командованию. В середине сентября черногорцы всерьез вознамерились овладеть Сараево и, наступая вверх по левому берегу Дрины, достигли Власеницы, не дойдя до боснийской столицы всего 60 километров. Австрийцы оттеснили их в исходное положение только в середине октября.

Но сербское командование не было довольно своими союзниками. Черногорцы, казалось, полностью игнорировали уроки балканских войн. В их рядах напрочь отсутствовала дисциплина. Это были бесшабашные юнаки, а не регулярные солдаты. И воевали они только тогда, когда сами этого хотели, нисколько не считаясь с просьбами и пожеланиями Белграда. Так, после небольшого рейда в Боснию в конце ноября 1914 года черногорцы вообще прекратили активные действия против австрийцев. И это было в тяжелые для сербов времена, когда их дивизии истекали кровью на Колубаре и вынуждены были оставить Белград.

Но все же полностью сбрасывать черногорцев со счетов австрийское командование не могло. На высотах, окружающих Каттаро, было сосредоточено до 5 тысяч их солдат. Кроме того, на горе Ловчен были установлены две гаубицы, которые король Италии, когда эта страна объявила войну Австро-Венгрии, подарил своему тестю. Стрельбой из них и ограничивались боевые действия Черногории на австрийском фронте! Время от времени из гаубиц обстреливались заходящие в гавань австро-венгерские суда, но так как расчеты этих гаубиц были полностью необучены, то ни одного попадания в цель добиться так и не удалось! Однако, благодаря эху в горах, выстрелы были слышны фактически по всей Черногории, и тем самым поддерживалась видимость, а вернее слышимость, войны.

Нельзя сказать, что Черногория вообще не вела боевых действий. Черногорская армия была задействована в Албании, которая появилась на географических картах по условиям Лондонского мирного договора 1913 года, но почти сразу же превратилась в конгломерат владений враждующих друг с другом кланов без малейшего намека на централизованную власть. Король Николай желал этим

воспользоваться и округлить свои владения за счет Албании, тем более, что албанские горцы не были, в отличие от боснийских сербов и просвещенных жителей далматинского побережья, заражены югославянской идеей, которую недолюбливал король. Боевые действия шли вокруг Скутари (Шкодер) и на берегах прилегающего к нему соленого озера. И здесь не было никому дела до Галиции, Артуа или Изонцо. Главное овладеть Скутари, а на остальное наплевать! Так думал черногорский король. Но вскоре настоящая война подошла к порогу его страны.

В начале октября 1915 года дивизии фельдмаршала Макензена обрушились на Сербию. Черногорцы и палец о палец не ударили для того, чтобы помочь своим «братьям». Но даже их пассивное стояние, как ни странно, принесло пользу сербам. Черногорская армия надежно прикрывала сербский левый фланг, сковывая австрийские войска в Герцеговине и южной Далмации. Через Черногорию, имевшую выход к Адриатическому морю, также шло критически важное для Сербии сообщение с итальянскими портами Бари и Бриндизи, являвшимися единственными на тот момент для Белграда «окнами в мир».

В конце ноября 1915 года отступающая из Косово сербская армия перешла черногорскую границу и двинулась через города Печ и Подгорица к адриатическому побережью юго-западнее Скутари. Этот марш (Сербская Голгофа) длился три недели. Преследовавшие сербов части Третьей австро-венгерской армии заняли Печ, но ее командующий генерал Кевес отдал приказ своим войскам остановиться и не идти дальше в глубь Черногории, дабы не растягивать коммуникации. Весь декабрь в Скутари стекались остатки сербской армии и уцелевшие от албанской резни гражданские беженцы. Между тем австрийцам было совершенно не нужно возрождение сербской военной мощи на албанском побережье, поэтому в Вене приняли решение действовать. Австро-венгерская эскадра блокировала Сан-Джованни-ди-Медюя (аванпорт Скутари), а к концу декабря у подножья горы Ловчен была сосредоточена пятидесятитысячная австрийская группировка.

Черногорцы не особо беспокоились. Ведь еще никому не удавалось силой оружия покорить их гордую страну! Никто не верил, что австрийцы, да к тому же в условиях зимы, смогут сделать то, чего не смогли совершить византийцы и турки. Но в Вене отлично понимали, что захват Черногории поднимет пошатнувшийся престиж Габсбургской монархии, поэтому к предстоящей операции отнеслись серьезно. В войсках была проведена ротация по национальному признаку, в результате чего большинство их составили хорваты, трансильванские румыны и венгры. В распоряжение командующего, генерала Вебера, поступило пять тысяч боснийских мусульман – злейших врагов черногорцев, а также 3 батальона тирольских горных егерей,

специально переброшенных с Итальянского фронта. Имея десятикратное превосходство в живой силе и фактически абсолютное – в артиллерии (500 орудий, не считая артиллерии эскадры), генерал Вебер решил не штурмовать в лоб сильно укрепленный Ловчен, а атаковать расположенную западнее гору Врмац, надеясь взломать здесь черногорскую оборону.

Австрийское наступление началось на рассвете 8 января 1916 года. Вначале шло оно не так блестяще, как было задумано. Передовые части пехоты были для удобств переобуты в местную обувь – «опанци», к которым солдаты не успели как следует привыкнуть и от падений в пропасти австрийцы понесли гораздо больше потерь, чем от неприятельского огня. В результате ключевой пункт черногорской обороны, крепость Коук, расположенную в 915 метрах выше исходных австрийских позиций и в 540 метрах ниже вершины Ловчена, австро-венгерские части штурмовали три дня. Но австрийцы все же задавили ее защитников огнем своих батарей и бомбами с аэропланов. У черногорцев кончились боеприпасы и запасы продовольствия, и им ничего не оставалось делать, как отступить. Отсюда до Цетинье было всего 18 километров, поэтому вскоре первые беглецы показались на улицах столицы. Они сеяли панику, рассказывая о том, что австрийцы применили газы, пытаясь тем самым оправдать свое бегство, хотя австро-венгерское командование не применяло и не планировало применения отравляющих веществ против Черногории.

11 января австрийцы заняли Цетинье. Черногорская армия отступила на северо-восток, к Печу, где их уже ждала в готовности Третья австро-венгерская армия Кевеса. Черногорские части начали располагаться на берегу замерзшей реки Тара, а их командиры ломали голову, что делать дальше. Прорыв был бы равен самоубийству, а капитуляция навеки запятнала бы черногорскую честь. Все ждали, что скажет король Николай Негош.

После падения Ловчена Николай уехал в Скутари, откуда ему удалось прорваться в Бриндизи. При этом он не отдал приказ своим войскам отступать в Скутари. После войны говорили, что он вел закулисные переговоры с австрийцами о капитуляции, которые, однако, не увенчались успехом, и просто вынужден был бежать, бросив армию на произвол судьбы. Факт этих переговоров пока не доказан, но есть косвенные свидетельства тому, что они были.

Даже после того, как король оставил страну, черногорская армия продолжала сражаться. 14 января 1916 года разгорелось сражение у Мойковаца, в 75 километрах севернее Цетинье. Но уже 17 января черногорский командующий генерал Вешович понял бесперспективность дальнейшего сопротивления, распустил войска, а сам подписал капитуляцию. Австрийцы не были довольны такой победой. Ведь королю удалось бежать, а это значит, что мирные переговоры вести будет не с кем. То есть получилась та же ситуация, что ранее с Бельгией и Сер-

бией: территория страны занята, но формально она не вышла из войны, поскольку существует правительство в изгнании.

Чтобы подсластить пилюлю, австрийские войска вторглись в Албанию и 21 января заняли Скутари. Находившаяся там сербская армия, приходившая в себя после осенней катастрофы, отступила в полном порядке вдоль побережья на юг, где в портах Дураццо (Дуррес) и Валона (Влера) была посажена на корабли и переправлена на остров Корфу. Здесь она отдохнула, переделась в новое обмундирование французского образца, перевооружилась и уже летом 1916 года заняла позиции на Салоникском фронте. Такая же завидная участь могла бы постичь и черногорскую армию, если бы король Николай отдал соответствующий приказ. Однако, он этого не сделал, в результате чего критика в его адрес зазвучала еще громче.

Впрочем, королю уже не было никакого дела до разговоров. Хорошо отдохнув у своего итальянского зятя, он перебрался во Францию, где обосновался на роскошной вилле в фешенебельном предместье Парижа Нейи. Обращались к нему с королевскими почестями, а когда он совершил поездку по Западному фронту, то его приветствовали как действующего главу союзной державы. Французское правительство, решив, что такой «политический тяжело-вес» может ей пригодиться в будущем, назначило ему немалую пенсию. Платили ему субсидии и из Петрограда и из Лондона, так как считали, что в противном случае Николай станет излишне профранцузски настроенным. Хорошо к черногорскому монарху относились и в Риме, желая сохранить Черногорию после войны, поскольку считали ее противовесом Сербии в Адриатическом бассейне.

Пока король Николай наслаждался жизнью в Нейи, его второй сын Мирко находился в австрийском плену, если, конечно, пленом можно назвать пребывание на такой же роскошной вилле, как у отца, только в предместье Вены. Иной прием глава проавстрийской партии в Черногории и не мог ожидать! Правда, Николай оправдывал Мирко тем, что у него – туберкулез, а лучшие врачи находятся в Вене, но ему, конечно же, никто не верил. Злые языки говорили, что кто бы не одержал победу, черногорская династия внакладе не останется.

Черногорский народ в годы австро-венгерской оккупации пребывал не в таких комфортабельных условиях, как его правители. Еще с началом войны в стране ощущалась нехватка продовольствия, поскольку австрийский флот блокировал пути подвоза с моря, а дорога из Сербии была фактически непроходима зимой. Так, обоз на быках преодолевал расстояние в 110 километров от ближайшей к черногорской границе сербской железнодорожной станции Косовская Митровица до Подгорицы за два месяца! После поражения Сербии и этот путь был закрыт. В годы оккупации австрийские власти снабжали лишь ближайшие к столице районы, а на севере Черногории люди умирали от голода.

В стране также ширилось движение партизан – комитов, создавшее серьезные проблемы австрийцам. При этом комиты относились без особого пиетета к бежавшему королю. К концу войны «рейтинг» династии упал практически до нулевой отметки. И неудивительно, что вновь собравшаяся после ухода австрийцев в декабре 1918 года Скупщина единогласно проголосовала за низложение династии Негошей и воссоединение с Сербией.

Черногория исчезла с политических карт для того, чтобы вновь возродиться без малого девяносто лет спустя на руинах Югославии. Какое будущее ждет ее? Сможет ли эта маленькая страна занять достойное место среди держав региона, или же вновь не выдержит конкуренции с Сербией, несмотря на бонусы в виде портов и превосходных курортов? Усвоило ли ее нынешнее руководство уроки своих предшественников? Это покажет только время.

Дмитрий Соколов

Ревкомы Крыма как средство осуществления политики массового террора 1920–1921 гг.

Ревкомами (революционными комитетами) в годы Гражданской войны называли временные советские чрезвычайные органы власти. Созданные на основании распоряжений местных Советов, партийных организаций и реввоенсоветов фронтов, ревкомы наделялись широкими полномочиями, сосредотачивая в своих руках всю полноту военной и политической власти.

Создание ревкомов началось с первой половины 1918 г.; их массовое образование относится к 1919 г.¹

На территории крымского полуострова революционные комитеты возникли после его занятия Красной армией в ноябре 1920 г. 16 ноября на совместном заседании членов РВС Южного фронта и начавшего действовать в тот же день Крымского обкома РКП (б) был создан Крымский революционный комитет в составе председателя, его заместителя и четырех членов.²

Новообразованную структуру возглавил венгерский коммунист Бела Кун, его заместителем стал Ю.П. Гавен (Я.Э. Дауман) – один из руководителей сопровождавшейся массовыми убийствами офицеров и гражданских лиц борьбы за установление советской власти в Крыму в 1917–1918 гг.

Помимо вышеназванных деятелей, в состав Крымревкома вошли С. Меметов, С. Идрисов, С. Давыдов (Вульфсон), А. Лидэ.

Формирование системы органов новой власти осуществлялось на протяжении второй половины ноября и завершилось к середине декабря 1920 г. К этому времени на полуострове были созданы городские, уездные, сельские и волостные ревкомы, при помощи которых была проведена национализация промышленности, транспорта, банков, конфискация помещичьих хозяйств.

В процессе своего становления советские чрезвычайные органы столкнулись со многими трудностями. Главной проблемой стал острый дефицит местных кадров, необходимых для организации управления Крымом. За время пребывания на полуострове врангелевцев коммунистическому подполью был нанесен тяжелый урон: десятки партий-

ных работников были расстреляны, так что к началу 1921 г. в составе Крымской партийной организации насчитывалось немногим более 1 тыс. человек.³

В результате революционные комитеты приходилось комплектовать армейскими и чекистскими кадрами. Не будучи знакомы с местной спецификой, лишенные опыта в мирном строительстве, представители новой власти осуществляли свою деятельность при помощи насилия и террора.

После эвакуации армии Врангеля в Крыму оставалось большое количество офицеров и солдат Белой армии, гражданских и военных чиновников, беженцев. По мнению партийного руководства, все эти люди являли собой источник потенциальной угрозы.

Выступая 6 декабря 1920 года в Москве на собрании актива Московской организации РКП (б), Ленин заявил: «Сейчас в Крыму 300 тыс. буржуазии. Это источник будущей спекуляции, шпионства, всякой помощи капиталистам. Но мы их не боимся. Мы говорим, что возьмем их, распределим, подчиним, переварим».⁴

Слова большевистского лидера были правильно поняты местными военными и партийными органами.

На полуострове установился режим чрезвычайного положения. Люди были лишены возможности уехать из Крыма, поскольку каждый пропуск подписывал лично председатель Крымревкома Бела Кун.

Известно его высказывание: «...Крым это – бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит, а так как Крым отстал на три года в своем революционном движении, то мы быстро подвинем его к общему революционному уровню России...»⁵

17 ноября 1920 г. был издан приказ Крымревкома № 4 об обязательной регистрации всех иностранных подданных; лиц, прибывших на территорию полуострова с июня 1919 г.; офицеров, чиновников военного времени, солдат, работников мирных учреждений.

Поверив обещаниям об амнистии, данным победителями накануне взятия Крыма, тысячи людей

явились на регистрационные пункты, сразу образовав там огромные очереди. Поначалу людей регистрировали и отпускали по домам. Однако 25 декабря 1920 г. приказом Крымревкома № 167 была объявлена повторная регистрация, а все пришедшие арестованы и расстреляны.

Как видно из вышеизложенного, трудности в формировании органов новой власти нисколько не помешали последней выступить в роли организатора кампании масштабных репрессий.

Уничтожение «контрреволюционного элемента» осуществлялось по всей территории крымского полуострова, превращенного властями в один большой концентрационный лагерь. Расстрелу подлежали не только те, кто принимал участие в вооруженной борьбе против большевизма, но и имевшие непролетарское происхождение мирные жители – преподаватели и учащиеся, сестры милосердия, священники, предприниматели, инженеры, врачи.

В числе казненных были сын писателя Ивана Шмелева Сергей, брат выдающегося политика и публициста Василия Шульгина Дмитрий. Жертвами репрессий стали и такие известные личности, как управляющий Таврической казенной палатой экономист и финансист А.П. Барт; бывший министр продовольствия, торговли и промышленности второго Краевого правительства А.А. Стевен; заместитель министра юстиции России И.Е. Ильяшенко; уполномоченный Комитета призраения и Всероссийского Общества Красного Креста И.М. Бич-Лубенский, потомки знатных дворянских родов – князей Трубецких и Барятинских.

По свидетельству поэта Максимилиана Волошина, из каждых трех крымских интеллигентов в эти суровые годы погибло двое.⁶

Вскоре террор распространился и на рабочих. Так, железнодорожников, ушедших из Курска вместе с отступающими частями Добровольческой армии и обосновавшихся в походном лагере неподалеку от Феодосии, в ночь с 19 на 20 ноября вывели вместе с семьями на мыс Св. Ильи и там расстреляли.⁷ В Севастополе казнили около 500 портовых рабочих за то, что они обеспечивали погрузку на корабли врангелевских войск.

Для выявления как можно большего количества «классово чуждых» властями использовались различные методы – от организации облав до поощрения доноительства.

Весьма показателен, в этой связи, приказ Крымревкома №192 от 3 января 1921 г. «Об оказании помощи Крымской чрезвычайной комиссии в борьбе с остатками контрреволюции», призывавший крымчан «исполнить свой гражданский долг» и сообщать чекистам «всякие сведения о скрывающихся белогвардейцах, контрреволюционерах и примазавшихся к Советской власти, пролезших в советские учреждения».⁸

И надо сказать, что некоторые жители полуострова с готовностью откликались на подобные призывы. Так, расстрелянная в Ялте вместе со своей до-

черью княгиня Надежда Барятинская была арестована по заявлению некоего А.Григорьева.⁹ Не будь этого доноса – кто знает, возможно, княгиня и ее близкие остались бы живы.

Имя Бела Куна в Крыму стало синонимом массового террора. Недобрую память оставила после себя и секретарь обкома РКП (б), Р.С. Землячка (Залкинд). Побывавший на полуострове в февралемарте 1921 г. представитель Народного комиссариата по делам национальностей М.Х. Султан-Галиев так охарактеризовал эту женщину:

«...тов. Самойлова (Землячка) – крайне нервная и больная женщина, отрицавшая в своей работе какую бы то ни было систему убеждения и оставившая по себе почти у всех работников память «Аракчеевских времен». Не нужно ни к чему нервничание, слишком повышенный тон в разговоре со всеми почти товарищами, чрезмерная требовательность там, где нельзя было ее предъявлять, ее незаслуженные репрессии ко всем тем, кто имел хотя бы небольшую смелость «сметь свое суждение иметь» или просто «не понравился» ей своей внешностью, – составляли отличительную черту ее «работы». Высылка партийных работников из Крыма обратно на север, особенно после постановления Оргбюро ЦК партии о направлении партийных работников в Крым только с разрешением ЦК, приняла эпидемический характер. «Высылались» все без разбора, кто бы то ни был, и не единицами, а целыми пачками – десятками и сотнями. Такая терроризация организации дала самые отрицательные результаты. В бытность тов. Самойловой в Крыму буквально все работники дрожали перед ней, не смея ослушаться ее хотя бы самых глупых или ошибочных распоряжений».¹⁰

Точное количество погибших в Крыму неизвестно. Называются разные цифры: 20, 50, 80, 120 тыс.

Неудивительно, что применение террора в столь невероятных масштабах вызвало возмущение у многих партийных работников. В частности, против осуществляемой на полуострове кампании массовых казней высказался Ю.П. Гавен. 14 декабря 1920 г. он написал члену ЦК РКП (б) Н. Крестинскому:

«Т. Бела Кун, один из тех работников, который нуждается в сдерживающем центре... Здесь он превратился в гения массового террора. Я лично тоже стою за проведение массового террора в Крыму, чтобы очистить полуостров от белогвардейщины. Но у нас от красного террора гибнут не только много случайного элемента, но и люди, оказывающие всяческую поддержку нашим подпольным работникам, спасавшим их от петли».¹¹

В ответ на это Залкинд и Кун обвиняли Гавена и других выступавших против террора в «мягкотелости» и «мелкобуржуазности», требуя удалить их из Крыма.

В документе, подписанном Р.С. Землячкой в начале декабря 1920 г., отмечалось, что «действия Особых Отделов вызвали массу ходатайств со сто-

роны местных коммунистов <...> Областкомом было указано на недопустимость массовых ходатайств и предложено партийным бюро ни в коем случае не давать своей санкции подобным ходатайствам, а наоборот, оказать действительную помощь Особым Отделам в их работе по окончательному искоренению контрреволюции».¹²

В крымском правительстве назрел серьезный конфликт, итогом которого стало отозвание Залкинд и Куна из Крыма, и назначение на должность председателя Крымревкома члена РВС 4-й армии, А.М. Лидэ. М.Х. Султан-Галиев в своем докладе отметил: «тов. Лидэ – больной психически, сильно утомившийся и нуждающийся в отдыхе работник. У него парализованы оба плеча и одна нога, и он с большим трудом двигается. Исследовавшие его недавно врачи утверждают, что переутомление его организма достигло крайних пределов и что если он не будет лечиться, то через несколько месяцев может сойти с ума. Ясно, что требовать от такого работника умелого руководства партийной работой было нельзя. Он пошел по пути т. Самойловой, правда, временами с некоторыми ослаблениями, но это «ослабление» носило непостоянный характер и лишь раздражало организацию, вызывая в ней внутренние трения».¹³

Не отличался гуманизмом и сменивший Лидэ в феврале 1921 г. М.Х. Поляков. Однако, невзирая на прежнее активное применение бессудных расстрелов, весной 1921 г. их волна начинает понемногу спадать.

Поскольку многие «враждебные элементы» были к этому времени уничтожены, дальнейшее проведение политики массового террора власти считали нецелесообразным.

При этом на полуострове все так же сохранялся режим чрезвычайного положения, а состояние экономики с каждым днем становилось все хуже. В промышленности и на транспорте царил разруха; не лучше обстояли дела и в сельском хозяйстве.

Продразверстка, отмененная X съездом РКП (б) в марте 1921 года, держалась в Крыму до июня. Весной 1921 г. в качестве излишков изымали даже посевной фонд.¹⁴

Каждый крестьянин, вывозивший свои продукты на рынок, объявлялся «смертельным врагом Советской власти», а свободная торговля – «путем к возрождению царского режима».¹⁵

Безземельных крестьян (их было не менее 40% от общего количества сельских жителей) насильственно заставляли работать в совхозах, созданных на основе конфискованных помещичьих хозяйств.

Людей, которые никогда не копали земли, под дулами винтовок принуждали перекапывать виноградники. Ведя борьбу с «буржуазными пережитками», изымали рыболовецкие снасти, лошадей и коров.

Эти мероприятия власти способствовали росту народного недовольства. Официальные документы

тех лет характеризовали обстановку в Крыму как нестабильную и взрывоопасную.

В докладе представителя наркомата по делам национальностей З. Булушева от 12 мая 1921 г. на имя Сталина говорилось: «...Вся крымская власть – назначенцы, ничего общего не имеющие с местным населением. <...> Сотни заложников, батраков и беднейших крестьян заставляют работать в совхозах. Совхозы, являясь государственными формами, имеют больше прав для притеснения местного населения, чем бывшие частные владельцы. Совхозы захватывают лучшие земли. Крестьяне видят в советской власти еще большего эксплуататора, чем царизм».¹⁶

Осуществляемая властью политика продовольственной диктатуры сказалась катастрофическим образом на состоянии крымской деревни, спровоцировав массовый голод, продолжавшийся до лета 1923 г. и унесший более 100 тыс. жизней.

Справившись с поставленной перед ними задачей – очистив полуостров от «буржуазии», ревкомы прекратили свое существование осенью 1921 г., уступив место постоянным органам власти – городским и сельским Советам.¹⁷

Однако трагические последствия их деятельности давали о себе знать еще долгие годы...

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. – М.: Сов. Энциклопедия, 1987. – с. 503

² Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. – Симферополь, 1968. – с. 6

³ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. – Харьков, 1974. – с. 38

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42 – с.74

⁵ Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918–1923 гг. М: Айрис-Пресс, 2006. – с. 113

⁶ Соколов Д.В. Убийство крымской интеллигенции // Первая Крымская, № 23 (299) – 20–26 июня 2008. – с. 20

⁷ Гончаренко О.Г. Тайны Белого движения. Победы и поражения. 1918–1920 гг. – М.: Вече, 2004. – с. 327

⁸ Ревкомы Крыма. Сборник документов и материалов. – Симферополь, 1968. – с. 45

⁹ Абраменко Л.М. Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. – К.: МАУП, 2005. – с. 390

¹⁰ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму // Крымский архив, № 2. – Симферополь: 1996. – с. 84

¹¹ Цит. по: Алтабаева Е.Б. Марш энтузиастов: Севастополь в 20–30 годы. – Севастополь: «Телескоп», 2008 – с. 12–13

¹² ГААРК. Ф. П-32. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 10.; Цит. по: Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. – 2-е изд., испр. и доп. – Симферополь: АнтикВА, 2008. – с. 689–690

¹³ Султан-Галиев М.Х. О положении в Крыму // Крымский архив, № 2. – Симферополь: 1996. – с. 85

¹⁴ Омельчук Д.В., Акулов М.Р., Вакатова Л.П., Шевцова Н.Н., Юрченко С.В. Политические репрессии в Крыму (1920–1940 годы). – Симферополь, 2003. – с. 22

¹⁵ Доненко Н. Новомученики Феодосии: Священномученик Андрей Косовский, Преподобномученик Варфоломей (Ратных), Священномученик Иоанн Блюмович, Феодосия, Судак, Старый Крым в годы воинствующего атеизма, 1920–1938. – Феодосия; М.: Издат. Дом. Коктебель, 2005. – с. 30

¹⁶ История Крыма с древнейших времен до наших дней – Симферополь: Атлас-компакт, 2007. – с. 321

¹⁷ В июле 1921 г. состоялись выборы в городские, в августе и сентябре – сельские Советы.

Кирилл Александров

Трагедия России в XX веке и ее значение для современной православной миссии

В XX веке русский народ и другие народы России, русские православные христиане и представители инославных вероисповеданий пережили собственную демографическую, социальную и нравственную Катастрофу, характер и последствия которой до сих пор неосознанны в российском обществе. В начале XX столетия авторы-составители статистического «Русского календаря на 1905 г. Алексея Суворина» проанализировали рост населения Российской империи в период с 1722 по 1900 годы. Они высказали предположение, в соответствии с которым, если «Россия ничего не потеряет и ничего не приобретет» по сравнению с ситуацией, сложившейся на 1900 год, то в 1910 году ее население составит 155 млн. (в реальности оказалось более 156,5 млн.), в 1930 году – 200 млн. (в реальности численность населения СССР составила 157,4 млн.), в 1985 году – 400 млн. человек (в 1990 численность населения СССР достигла лишь 290 млн.)¹. Устойчивый рост населения в Российской империи, несмотря на тенденцию к снижению, сохранялся и в годы Первой мировой войны. Даже в 1916 году естественный прирост дал России почти 1 млн. человек, в то время как в других воевавших государствах Европы уже в 1915 году смертность превышала рождаемость². Вместе с тем кровопролитная и практически выигранная Россией вместе с союзниками Великая или II Отечественная, как ее называли многие современники, война обострила накопившиеся многовековые общественные проблемы, создавшие условия для трагических революционных потрясений 1917 года.

Октябрьский переворот 1917 года и завоевание России большевиками в годы гражданской войны привели к истреблению целых сословий, исчезновению национальной и торгово-промышленной элиты, исторического российского общества, тяжелым социальным потрясениям (искусственному голоду, репрессиям, войнам), жертвами которых стали десятки миллионов наших соотечественников. За первые двадцать лет советской власти была физически почти уничтожена самая крупная Поместная Православная Церковь в мире³. Не менее разрушительными оказались и духовно-нравственные последствия большевизма. На протяжении многих десятилетий советский человек, живший в бедности и условиях товарного дефицита, постоянно принуждался к демонстрации фальшивого

энтузиазма, существовал в отравленной атмосфере беззащитной государственной лжи, искусственно насаждаемых мифов и фикций, саморазрушительного двуличия. «Физическое опустошение нации – ничто в сравнении с тем душевным опустошением, которое внесено в наш народ принудительным лицемерием»⁴, – с горечью писал русский зарубежный социолог Роман Редлих, последний ученик Ивана Ильина, и в другом исследовании отмечал: «Психология советского человека это психология зависимости и унижения <...> психология нищеты»⁵.

В самоистребительном для русских православных христиан XX веке мы можем указать на несколько необратимых по последствиям этапов и событий Всероссийской Катастрофы.

1. Гражданская война 1917–1922 годов.

После Октябрьского переворота ленинская партия, переименованная в марте 1918 года в Российскую Коммунистическую партию (большевики), противопоставила себя рыхлому большинству русского населения. Объективно большевики должны были силой навязать обществу свою волю, чтобы окончательно завоевать страну и удержаться у власти. 17 сентября 1918 года петроградская газета «Северная коммуна» опубликовала заявление члена ЦК РКП(б) и председателя Петроградского Совета Григория Зиновьева: «Мы должны увлечь за собой девяносто миллионов из ста, населяющих советскую Россию. С остальными нельзя говорить – их надо уничтожить». Поэтому полномасштабная гражданская война, неразрывно связанная с ожесточенной борьбой РКП(б) за единоличное политическое господство и создание монопартийного государства, оказалась неизбежной. Ее прямые жертвы в 1917–1922 годах оцениваются в 12 млн. человек, причем лишь не более шестисот – семисот тысяч из них (5–6 %) приходится на долю боевых безвозвратных потерь противоборствующих сторон. Абсолютно большая часть катастрофической убыли населения связана с резким ухудшением общих условий жизни (голод в указанные годы, болезни, субъективная незащищенность и т. д.)⁶, в первую очередь, бывших следствием противоестественных ленинских мероприятий. Совокупная доля жертв террора (в большинстве – «красного») оценивается специалистами в 1,5 млн. человек.

«Красный» террор принципиально отличался от террора противников большевиков, не имевшего, несмотря на все эксцессы и частные жестокие примеры, таких масштабов и целей. 12 января 1920 го-

* Доклад, прочитанный на конференции «Современная православная миссия», состоявшейся 19-20 октября в Екатеринбурге на Высших миссионерских курсах при Ново-Тихвинском женском монастыре. Печатается в сокращении.

да в своей речи на заседании коммунистической фракции ВЦСПС Ленин публично указал на красный террор как на составную часть целенаправленной государственной политики: «Мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять»⁷. Практические действия большевиков в 1918–1921 годах неправильно рассматривать в качестве ситуативных или обусловленных экстраординарным характером гражданской войны. Как справедливо подчеркивал американский исследователь Ричард Пайпс, «они выражали целостную социальную философию, выходящую далеко за пределы чрезвычайной ситуации», но «сложившиеся в тот момент обстоятельства позволили представить их [современникам и потомкам. – К. А.] как систему неотложных мер»⁸. Фактически политику Ленина, а впоследствии – и Сталина, уместно охарактеризовать как *стратоцид* – физическое уничтожение людей по признаку принадлежности к определенной социальной группе (страте), классу или сословию. В известном смысле символом стратоцида в годы гражданской войны можно рассматривать убийство Царской семьи, страшная гибель которой открыла дорогу к трагедии миллионов российских семей в последующие десятилетия. «Цареубийство – вершина плебейского бунта – завершается народоубийством, атомизацией социальной ткани»⁹, – утверждал Редлих.

Истребление дворянства, купечества, духовенства, казачества (расказачивание), почетных граждан, офицерства, представителей торгово-промышленного класса привело к исчезновению российской элиты и создало условия для возникновения в 1919–1920 годах властной *антиэлиты* или *какистократии* («правительства из худших граждан») в лице привилегированного «нового класса» ответственных (освобожденных) партийных работников: от секретарей первичных партийных организаций до членов ЦК и Политбюро. Этот «новый класс», в итоге присвоивший себе в форме коллективной собственности все активы, материальные ресурсы страны и труд «подсоветского» населения, получил обобщенное название *номенклатуры* (от лат. *nomēn* – имя). «Революция, которая проводилась во имя уничтожения классов, – подчеркивал югославский диссидент Милован Джилас, – привела к неограниченной власти одного, нового класса. Все остальное – маскировка и иллюзия»¹⁰.

II. Разрушение российского продовольственного рынка и первый искусственный голод 1921–1922 годов.

Социалистическое экспериментирование в первые годы советской власти включало в себя разрушение единого товарного рынка, ликвидацию дореволюционной кредитно-финансовой системы, экспроприацию ленинцами собственности, государственных и частных активов, введение принудительного труда, установление «рабочего контроля» на предприятиях, огосударствливание

промышленности, запрет свободной торговли и частной хозяйственной инициативы, организацию производства в рамках административно-централизованного планирования. В 1920 году Народный комиссариат продовольствия распределил в РСФСР для горожан 21,9 млн. карточек. Были запрещены сделки с недвижимостью, отменены права наследования, путем безудержной эмиссии разрушено нормальное денежное обращение. Уничтожение денег рассматривалось в 1919 году как одна из программных задач РКП(б). По состоянию на 1 января 1914 года в России находилось в обращении кредитных билетов на сумму в 1,6 млрд. руб., на 1 января 1917 года – в 9,1 млрд., в конце октября – в 19,6 млрд. руб., а в 1921 году – 2,3 трлн. руб.¹¹.

В аграрной сфере политика РКП(б) фактически отбросила российскую деревню на десятилетия назад, привела в упадок сельское хозяйство и спровоцировала голод 1921–1922 годов, вызванный разрушением в годы «военного коммунизма» традиционного продовольственного производства. После Октябрьского переворота большевики, сделавшие ставку на «маргинальную устремленность невежественных и забытых масс»¹², активно поощряли захват частновладельческих земель и новые уравнивательные переделы, больно ударившие по столыпинским хлебоборобам-собственникам. Но для повышения крестьянского благосостояния захватный «черный передел» не имел никакого значения и противоречил здравому смыслу. Поколения революционеров культивировали наивное народническое представление о необходимости принудительного отчуждения помещичьей земли и ее, якобы, достаточности для ликвидации крестьянского «малоземелья». В реальности и «малоземелье», и дворянские «латифундии» оказались мифом.

В 1920 году сотрудник Наркомата земледелия, экономист Борис Книпович, анализируя результаты советской землеустроительной политики за первые три года революции, честно признал: «Громадное количество земель, разделенное между многомиллионной массой крестьянства, дало ничтожные результаты <...> Увеличение [посевной. – К. А.] площади на едока выразилось в ничтожных величинах: десятых и даже сотых десятины на душу. В громадном большинстве губерний увеличение это не превышало полудесятины»¹³. Книпович подчеркивал, что позитивные итоги «черного передела» для малоземельных и безземельных крестьян выглядели ничтожными. «Отрицательные же, – писал экономист, – были чрезвычайно ощутительны. Крупные землевладельческие хозяйства, дававшие высокие урожаи, представлявшие собой большую ценность, снабжавшие рынок большим количеством продуктов, были «разорваны на части», уничтожены»¹⁴.

Однако крестьянский «черный передел», до весны 1918 года сопровождавшийся варвар-

ским разгромом помещичьих усадеб и бесчисленными насилиями в отношении их обитателей, имел глубокий политический смысл для ленинцев. Во-первых, как инструмент революционизирования деревни, доведивший конфликт между крестьянами и помещиками до кровопролития. «Революция могла происходить только в форме захвата земли и уравнильной дележки»¹⁵, – откровенно заявлял Книпович. Возможно, что Ленин, предвидевший в перспективе войну большевицкой партии с крестьянством, не хотел повторения в России исторического опыта Вандеи, и не желал появления в российской провинции бесчисленных крестьянских отрядов под предводительством дворянских «полевых командиров». Во-вторых, отменив 26 октября 1917 года право собственности на землю, большевики мгновенно превратили десятки миллионов крестьян из *собственников* (явных или потенциальных) в *пользователей*, а на самом деле – в бесправных *арендаторов*, не подозревавших о своем новом статусе и его последствиях. Иван Ильин в этой связи верно заметил: «Только “тело земли” переходило к захватчикам, а “право на землю” становилось спорным, шатким, непрочным и прекарным (т. е. срочным до востребования); оно обеспечивалось лишь обманно»¹⁶.

14 февраля 1919 года постановлением ВЦИК «О социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» вся земля в пределах РСФСР «в чьем бы пользовании она ни состояла», объявлялась «единым государственным фондом». Правом заведовать и распоряжаться им наделялись органы советской власти, которые еще в 1918 году на всех уровнях, включая ВЦИК и Всероссийские съезды, потеряли какое-либо самостоятельное политическое значение и превратились в фикцию. Ширма Советов маскировала жесткую управленческую вертикаль территориальных партийных комитетов РКП(б), бывших основой сложившегося однопартийного государства. Тем самым партия Ленина, не привлекая внимания, хитроумно объявила себя коллективным владельцем многомиллиардной собственности, присвоив себе привилегированное право владеть, пользоваться и распоряжаться землей. Ее оценочная стоимость в ценах 1913 года по самым скромным меркам составляла около 80 млрд. золотых рублей¹⁷. «Коммунисты не придумали коллективной собственности, – подчеркивал югославский диссидент М. Джилас, – но они придали ей всеобъемлющий характер». При советской власти «коллективная собственность приняла гораздо более обширные размеры, чем во все прежние эпохи, даже чем в эпоху фараонов»¹⁸.

Социалистический эксперимент быстро привел к крушению российского сельскохозяйственного рынка. Продразверстка стала инструментом, позволявшим с трудом выкачивать из деревни хлеб и другие продукты. Однако стратегическая

цель аграрной политики РКП(б) заключалась в постепенном превращении самостоятельных крестьян-домохозяев, свободных производителей продовольствия в полукрепостных рабочих, прикрепленных к государственным (коллективным) предприятиям по обработке земли, обращенной в коллективную партийную собственность. Искусственное создание таких «прогрессивных» советских хозяйств, несмотря на их полную нерентабельность, началось уже зимой 1917–1918 годов. Прямым следствием постановления ВЦИК от 14 февраля 1919 г. должна была стать массовая кампания по принудительному обобществлению земли и насаждению в деревне «товарищеских» форм землепользования. Однако успешные наступательные операции русских Белых армий весной – осенью 1919 года сорвали подобные намерения. По существу, в 1919 году Белые армии спасли российское крестьянство от массовой коллективизации, отсрочив ее на 10–11 лет. В 1917–1922 годах в Белом движении по оценкам автора в совокупности участвовали около одного миллиона российских граждан.

В итоге в годы «военного коммунизма» большевики обескровили деревню, подорвали ее производственный потенциал, организовали уничтожение наиболее крупных и рентабельных хозяйств. Производство сельскохозяйственной продукции в 1920 году по сравнению с уровнем 1913 года упало почти на 40 %, урожайность по отдельным видам злаков снизилась на 40–50 %. Посевные площади сократились с 87,4 млн. десятин (1913) до 49,2 млн. десятин (1922). Если в 1913 году собирали 4,9 центнеров (490 кг) зерна на душу населения, то в 1921 – 2,4 (240 кг)¹⁹. К 1921 году ленинцы привели российскую экономику к полному краху, обесценив все позитивные результаты развития русского хозяйства, достигнутые в эпоху столыпинской модернизации. Необходимо подчеркнуть, что ликвидация большевиками свободной экономической деятельности имела не только идеологическую, но и прагматическую мотивацию. Низкий уровень потребления, нищета и недоедание обывателей парализовали активное сопротивление, минимизировали протестные выступления, как в столичных городах, так и в провинции.

Поэтому климатическая засуха и недород 1921 года послужили лишь *второстепенной* причиной массовой гибели населения от голода, охватившего в 1921–1922 годах 37 губерний в Поволжье, Приуралье, на Юге РСФСР и УССР. В первую очередь избыточная смертность стала следствием социально-экономической политики ленинской партии, разорения деревни и разрушения отечественного продовольственного рынка. Если в 1891–1892 годах в результате действительного недорода погибли 375 тыс. человек, то жертвы голода 1921–1922 годов по оценкам специалистов превысили 4,5 млн.²⁰ В то же время летом 1921 года большевики заказали за границей (в первую

11/2009

очередь, через Швецию) английский шоколад на сумму в 30 млн. царских рублей, фрукты, табак, опиум (!) из Персии на 63 млн. рублей, 40 тыс. тонн шведской селедки, 250 тонн соленой рыбы из Финляндии, 7 тыс. тонн сала из Германии, французскую ветчину. Один из посредников, участвовавших в операциях по распродаже русского антиквариата за границей, вспоминал: «Советская элита поглощала трюфеля, ананасы, мандарины, бананы, сушеные фрукты, сардинки и Бог знает что еще», когда по всей стране «люди умирали с голода»²¹. В декабре 1921 года на фоне беспрецедентной гуманитарной катастрофы Ленин, выступая в Москве на IX съезде Советов, заявил, что опыт, приобретенный партией в 1918–1920 годах, «был великолепен, высок, величественен, имел всемирное значение»²².

III. Сталинская коллективизация 1930–1932 годов и принудительное создание колхозной системы.

Хлебозаготовительные кризисы 1927–1928 годов показали, что номенклатура Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и крестьяне-хлеборобы – свободные производители продовольствия – не могут сосуществовать. В 1928 году Сталин публично назвал крестьянство «таким классом, который выделяет из своей среды, порождает и питает капиталистов, кулаков и вообще разного рода эксплуататоров»²³, и, следовательно, представляет постоянную угрозу для привилегированного положения и политической власти номенклатуры. Для сохранения полноты власти у сталинцев оставался единственный возможный путь, контуры которого большевики наметили в РСФСР еще зимой 1919 года. В кратчайший срок надлежало силой превратить крестьян-домохозяев в крепостных батраков, бесправных сельскохозяйственных рабочих, прикрепленных к государственным предприятиям (колхозам) по обработке земли, давно обращенной в коллективную партийную собственность. Теперь достоянием номенклатуры становился и крестьянский труд. Джилас в этой связи справедливо указывал: «Коллективизация крестьянских хозяйств была экономически нерентабельна, но она была нужна новому классу для укрепления его власти и защиты его собственности»²⁴. Не исключено, возможно, что именно поэтому Молотов считал «успех коллективизации значительней победы в Великой Отечественной войне»²⁵.

IV. Второй искусственный голод (Голодомор) 1932–1933 годов.

На принудительное создание нерентабельной колхозной системы крестьянство ответило массовым вооруженным сопротивлением 1930–1932 годов, которое мы имеем все основания назвать «второй гражданской войной». В начале 1930-х годов в разрозненных крестьянских восстаниях и выступлениях под антибольшевистскими и антисталин-

скими лозунгами по оценкам органов ОГПУ участвовали почти 2,5 млн. человек²⁶. Однако подавляющее военно-техническое превосходство противника не оставляло безоружным повстанцам никаких шансов.

Большевики задолго до нацистов применяли голод в качестве репрессивного инструмента, и уже в первые недели после Октябрьского переворота лишали своих противников продовольственных карточек. Нормированное распределение позволяло поддерживать одни социальные группы населения и обрекать на вымирание другие. После гражданской войны продовольственные карточки не полагались «лишенцам». 29 июля 1931 года на VII участке Парбигской комендатуры (бассейн р. Чая, притока Оби, Чаинский район, территория нынешней Томской области, в 1931 – район северных комендатур Сиблага) вспыхнуло вооруженное восстание доведенных до отчаяния спецпереселенцев из Кузбасса и Алтая. Более тысячи повстанцев захватили одну из поселковых комендатур и продержались до 2 августа, когда сводные отряды милиции, ОГПУ и совпартактива подавили протестное выступление. Погибли около ста повстанцев и 4 карателя, около ста сорока активных участников восстания были арестованы (54 человека получили от трех до десяти лет лагерей). 15–19 сентября в Чаинском районе по сообщению секретаря местного райкома ВКП(б) А. Осипова тридцати шести тысячам «кулаков и кулачат» выдавали по 100 гр. хлеба *на семью*²⁷. Затем выдача совершенно прекратилась и поселенцы начали вымирать.

Трагедия чаинских спецпереселенцев повторилась во всесоюзном масштабе.

Вероятно, это был беспрецедентный в истории случай, когда власть ради самосохранения применила против собственных граждан такую мучительную репрессию как голод.

V. Политический террор и массовые расстрелы населения по обвинению в «контрреволюционных преступлениях».

Первые десятилетия существования советского государства сопровождалось массовыми арестами и расстрелами сотен тысяч людей по обвинению в совершении «контрреволюционных преступлений». Вскоре после Октябрьского переворота российские граждане лишились принципиальных субъективных прав, в первую очередь, личной неприкосновенности и права собственности, а также политических свобод, закрепленных в отечественном законодательстве в петербургский период русской истории (Свод Основных Государственных законов, раздел I, главы VIII–IX), подтвержденных дореволюционной правоприменительной практикой и гарантированных независимой судебной властью. 22 ноября 1917 года Правительствующий Сенат, учрежденный в 1711 году в качестве высшей

судебно-надзорной инстанции Российского государства, в общем собрании вынес решение о незаконности и непризнании большевистского Совета народных комиссаров, захватного властного органа, возникшего мятежным путем. Через несколько часов Совнарком принял декрет о суде, объявив двухсотлетний Сенат упраздненным. Владимир Ульянов (Ленин) и 5 комиссаров, в том числе Иосиф Джугашвили (Сталин), заявили о ликвидации российской судебной системы, включая институты прокурорского надзора, мировых судей и присяжных²⁸. Знаменитый декрет подписали 6 членов ленинского правительства, из которых двое входили в ЦК большевицкой партии. Джугашвили, кроме того, снискал известность как организатор и соучастник уголовных преступлений («эксов»), совершавшихся с ведома Ленина в 1907–1912 годах с целью криминального пополнения партийной кассы²⁹. Указанные лица упразднили и весь корпус российского права.

Так были сделаны первые шаги к созданию системы государственного террора, «пыточного следствия» и практике массовых убийств.

VI. Создание и эксплуатация лагерной системы принудительного труда.

Одним из наиболее значимых последствий коммунистического эксперимента в России стало широкое использование принудительного труда. С возникновением в 1923 году знаменитого Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (Северных или Соловецких лагерей ОГПУ), система по организации и использованию рабского труда узников стала принимать упорядоченный и последовательный характер. Количество заключенных в СССР неуклонно возрастало и к середине 1927 года составляло в совокупности около 200 тыс. человек. К середине 1930 года в местах заключения в СССР содержались уже не менее 300 тыс. человек, в том числе более 150 тыс. – в созданных вслед за Соловецким лагерем лагерях ОГПУ.

Для руководства всей лагерной системой по решению Политбюро ЦК ВКП(б) 25 апреля 1930 года было создано Управление лагерей, чуть позже переименованное в Главное управление лагерей (ГУЛаг). Так слово «ГУЛАГ» стало образным наименованием большевицкой лагерно-изоляционной системы, во многом, благодаря знаменитому художественному исследованию Александра Солженицына.

Сравнительная характеристика численности лиц в местах лишения свободы (заключенные, трудпоселенцы, арестанты)³⁰

СССР на 1 января 1939

Численность лиц в местах лишения свободы	3 млн.
Процент от численности населения страны	1,6 %
Доля репрессированных по политическим мотивам в общем числе лиц в местах лишения свободы	1,65 млн. (55 %)

Россия на 1 января 1911

Численность лиц в местах лишения свободы	174 733
Процент от численности населения страны	0,1 %
Доля репрессированных по политическим мотивам в общем числе лиц в местах лишения свободы	1331 (0, 76 %)

Германская империя на начало 1939

Численность лиц в местах лишения свободы	30 тыс.
Процент от численности населения страны	0, 04 %
Доля репрессированных по политическим мотивам в общем числе лиц в местах лишения свободы	?

Командир Красной армии, подполковник Вячеслав Артемьев, оказавшийся после 1945 года в эмиграции, в 1939 году по переводу непродолжительное время занимал должность начальника штаба военизированной охраны Карлага НКВД. На личном опыте он убедился в убыточности труда заключенных для государства, в котором организация ГУЛАГа преследовала не столько социально-экономические, сколько политические цели. По свидетельству Артемьева, в 1939 году в Карлаге суточные нормы питания заключенных на «общих работах» колебались в пределах от 400 гр. хлеба и двухразовой порции жидкого супа («пониженная») до 800 гр. хлеба и двухразового горячего питания из двух блюд («ударная»). При этом средняя продолжительность рабочего дня достигала 12–14 часов, а промышленный объект находился на расстоянии 8–10 км от лагеря. «Когда же в результате истощения и потери трудоспособности заключенные перестают быть рабочей силой, – писал Артемьев, – Их сбрасывают со счетов и только разве то, что их не уничтожают физически создает разницу между ними и рабочим скотом, но и при этом они обречены в большинстве своем на медленное умирание в инвалидных и санитарных лагерных пунктах, что, в сущности, почти равносильно уничтожению». Виновными и ответственными за гибель заключенных Артемьев называл членов Политбюро ЦК ВКП(б) во главе со Сталиным³¹.

VII. Уничтожение Церкви.

В довоенные десятилетия беспрецедентная катастрофа постигла Церковь. К 1917 году в Православной Российской Церкви насчитывались 146 тыс. священнослужителей и монашествующих, в России действовали почти 56 тыс. приходов, более 67 тыс. церквей и часовен. В 1917–1939 годах из 146 тыс. священнослужителей и монашествующих большевики только истребили более 120 тыс. человек (в наибольшей степени – в годы «ежовщины»). К осени 1939 года в Советском Союзе оставались действующими лишь от ста пятидесяти до трехсот православных приходов и не более 350 храмов. В 1937–1941 годах в СССР органами НКВД были репрессированы 175,8 тыс. клириков и деятельных прихожан, из них расстреляны – 110,7 тыс. человек (по другим данным – 116 тыс.). Вопреки распространенным представлениям, абсолютное большинство расстрелянных (106,8 тыс.) приходится на 1937–1938 годы. К лету 1941 года на свободе оставались лишь 6 376 священников и диаконов, а из

3021 действующего в Советском Союзе православного храма почти 3 тыс. находились в западных областях, присоединенных к СССР в 1939–1940 годах. В 25 областях РСФСР не действовал ни один храм³². Репрессии касались не только православного духовенства. Так, например, к 1936 году в Дагестанской АССР была закрыта половина всех молитвенных зданий, в Кабардино-Балкарской АССР – 59 %, в Башкирской АССР – 69 %³³.

VIII. Вторая мировая война.

Причины Второй мировой войны связаны не только с результатами Версальского мира 1919 года, но и с последствиями Октябрьского переворота. Крушение исторического Российского государства и поражение сил национального сопротивления в годы гражданской войны непоправимо нарушили традиционное равновесие в международных отношениях. Большевики рассматривали свое государство лишь как плацдарм для советизации Европы и не считали себя связанными никакими дипломатическими обязательствами. Еще на VII съезде большевистской партии, состоявшемся 6–8 марта 1918 года, было принято экстраординарное решение, заранее дезавуировавшее любые дипломатические акты и инициативы советского правительства, касавшиеся вопросов войны и мира: «Съезд особо подчеркивает, что Центральному Комитету дается полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну»³⁴. Беспрецедентная санкция VII съезда действовала в 1918–1921, 1939–1945 годах, и даже в послевоенные десятилетия. Авторы-составители Конституции Союза ССР, утвержденной 31 января 1924 года постановлением II съезда Советов СССР, открыто декларировали: «Новое союзное государство <...> послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения всех трудящихся в Мировую социалистическую советскую республику». Еще зимой 1937 года Сталин впервые попытался достичь широкого политического соглашения с Гитлером, рассчитывая использовать его амбиции для провоцирования новой большой войны в Европе, которая бы создала необходимые социальные условия для советской экспансии.

Внешнеполитический курс, который Сталин реализовывал в период с весны 1939 года по весну 1941 года, предоставил нацистской Германии возможность свободно вести боевые действия на Западе и укреплять свой военно-промышленный потенциал за счет оккупированных европейских государств. В результате известных советско-германских соглашений 1939 года между Германией и Советским Союзом возникла общая государственная граница, а Гитлер получил необходимые условия для подготовки внезапного нападения на СССР с сопредельной территории. Советский Союз в 1939–1941 годах через свою территорию обес-

печивал беспрепятственный транзит сырья и стратегических материалов, жизненно необходимых для германской экономики и ведения войны в Европе. За 1940 год через территорию СССР прошло 59 % всего германского импорта и 49 % экспорта, а до 22 июня 1941 – соответственно 72 % и 64 %³⁵. Непосредственные советские поставки (нефти, фосфатов, хрома, руды, платины и т. д.) тоже имели важное значение для промышленности рейха, который с помощью Москвы преодолевал британскую блокаду. Сталин в беседе с ответственными работниками Коминтерна, состоявшейся 7 сентября 1939 года, охарактеризовал позицию советского государства так: «Война идет между двумя группами капиталистических стран за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга <...> Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону»³⁶. Международные сталинские авантюры требовали крови. В результате вторжения СССР в Восточную Польшу 17 сентября 1939 года погибли и пропали без вести более 1,1 тыс. бойцов и командиров Красной армии, а во время агрессии против Финляндии и кровопролитной советско-финляндской войны 1939–1940 годов – 167 тыс.³⁷

Успешное нападение Германии 22 июня 1941 года на Советский Союз, которое привело к бесчисленным жертвам и очередному демографическому провалу, было прямым следствием порочной политики Сталина в предшествующие годы. «Война на чужой территории» обернулась подлинной народной бедой и трагедией. Собственные ошибки, преступления и непрофессионализм сталинская партийная номенклатура оплачивала миллионами человеческих жизней, не считаясь, ради самосохранения и удержания власти, ни с какими потерями и затратами. Война предельно ужесточила деятельность репрессивного аппарата. Наряду с сохранением и укреплением жесткого контроля над обществом, применением репрессий в целях тотальной мобилизации, карательная система гарантировала незыблемость однопартийного государства и системы принудительного труда, сложившейся в 1930-е годы. Приведем здесь единственное солдатское свидетельство о том, какой немислимой ценой добывалась «великая победа».

Безвозвратные потери (убитыми, умершими от ран, пропавшими без вести) германских Вооруженных Сил на Восточном фронте сегодня доказательно оцениваются специалистами в пределах от 2,87 млн. до 3,1 млн. человек³⁸. В марте 2009 года сотрудники IX и XI отделов Центрального архива Министерства обороны (ЦАМО) в Подольске в беседе сообщили автору, что поименный учет погибших, умерших от ран и пропавших без вести совет-

ских воинов на основании пересчета сохранившихся индивидуальных карточек, позволяет оценить только установленные безвозвратные потери Красной армии более чем в 15 млн. бойцов и командиров (солдат, офицеров и генералов). Это последние данные, в 2006–2007 годах называлась цифра более 13,6 млн. человек³⁹. Неучтенные потери, к которым относились, в первую очередь, лица, призывавшиеся в действующие войска в мобилизационном порядке с освобожденных оккупированных территорий в 1942–1944 годах и некоторые другие категории, могут составить 20–25 % потерь от учтенных. Таким образом, общие советские военные безвозвратные потери, включая неучтенных бойцов, погибших военнослужащих военно-морского флота и других ведомств (НКВД, погранвойск и т. д.), а также партизан – составляют не менее 18–19 млн. человек.

Приблизительные категории безвозвратных потерь населения Советского Союза в 1941–1945 годах⁴⁰

Военные потери не менее	18 млн.
Жертвы блокады Ленинграда	1 млн.
Жертвы нацистских репрессий	1,3 млн.
Жертвы среди депортированных в 1943–1944 советских народов	250 тыс.
Жертвы повышения детской смертности	1,3 млн.
Смертность среди гражданского населения на советской территории в результате общего ухудшения условий жизни в военное время	6,2 млн.
Итого	28 млн.

«России, попросту не стало. Страшно произносить, но страна-победительница исчезла, самоуничтожилась, и этому исчезновению и самоуничтожению и продолжающемуся неумолимому самоистреблению шибко помогли наши блистательные вожди, начиная со Сталина, – писал Виктор Астафьев, – Только преступники могли так сорить своим народом! Только недруги могли так руководить армией во время боевых действий, только подонки могли держать армию в страхе и подозрении». Сталин и «маршал Победы» Георгий Жуков – «браконьер русского народа», по словам Астафьева, «сожгли в огне войны русский народ и Россию»⁴¹. Войну пережить, казалось легче, чем это признание мужественного писателя-фронтовика.

Приблизительная оценка автором безвозвратных потерь 1917–1953 годов, понесенных русским народом и другими народами России после Октябрьского переворота и создания советского государства

Гражданская война 1917–1922	7,5 млн.
Первый искусственный голод 1921–1922 более	4,5 млн.
Жертвы сталинской коллективизации 1930–1932 (включая жертвы внесудебных репрессий, умерших	

от голода крестьян в 1932 и спецпоселенцев в 1930–1940)	2 млн.
Второй искусственный голод 1933	6,5 млн.
Жертвы политического террора	800 тыс.
Погибшие в местах заключения	1,8 млн.
Жертвы Второй мировой войны	28 млн.
Итого	51 млн.

Беспримерные человеческие страдания и бедствия, невозполнимые демографические потери и необратимые последствия Катастрофы, происшедшей в XX веке в России, не подлежат сомнению. В какой степени знания о нашей исторической трагедии и ее искреннее переживание могут служить сегодня миссионерской деятельности? Вопрос не риторический. Во время разных публичных выступлений автор настоящих строк неоднократно выслушивал пространные суждения оппонентов, не отрицавших приведенных фактов по существу, но страстно призывавших прекратить «расстреливание заживших ран» и формирование «комплексов национальной неполноценности». Духовным попыткам осмысления российской Катастрофы препятствует и агрессивная позиция части клириков и верующих, формально стремящихся сакрализовать «победу советского народа в Великой Отечественной войне», но по сути, намеревающихся реабилитировать Сталина и представить сталинское государство образца 1952 года в качестве «советской, православной империи».

Равнодушное отношение к Катастрофе, которое так упрямо пытаются законсервировать аденты неосталинизма, по-прежнему остается тяжким частным и социальным грехом, травмирующим современную Россию. Этот опустошающий душу грех – забвения, безразличия, лицемерного триумфализма по отношению к собственному ужасному прошлому – служит если не единственной, то, во всяком случае, главной причиной сегодняшней деградации страны. Фальшивая позолота отреставрированных грандиозных соборов и сусальных храмов свидетельствует лишь об успешном освоении спонсорских средств. Но подлинного восстановления душ из руин советского лицемерия, лжи и двуличия не произошло. В первую очередь потому, что наши соотечественники либо ничего не знают, либо не хотят знать о Катастрофе и неопикуемых человеческих страданиях. В определенной степени на подсознательном уровне это нежелание связано со страхом моральной ответственности, ощущением психологического дискомфорта за возможные грехи собственной семьи и соучастие своих предков в преступлениях большевиков или непротивление им.

Размышляя над значением российской исторической трагедии в контексте православной миссии, необходимо подчеркнуть, что конкретные события Катастрофы требуют от миссионеров не только фактических знаний, но и глубокой персональной рефлексии, личного самоопределе-

ния и деятельного отношения. Вышеупомянутый автором Роман Редлих, будучи одним из руководителей Национально-Трудового Союза (НТС) российских солидаристов, в конце 1940-х годов писал в эмиграции: «Мы боремся против большевизма не потому, что наша победа близка или даже возможна, а потому, что борьба – это единственное нравственное достойное поведение по отношению к большевизму»⁴². Перефразируя настоящее высказывание, можно утверждать о том, что свидетельство о Катастрофе сегодня – это нравственный долг и необходимая форма поведения каждого православного христианина, и, в известном смысле, форма миссионерской деятельности.

Увековечивание памяти святых Новомучеников и Исповедников Российских должно сопровождаться не только их молитвенным почитанием, но и популярным объяснением мирянам характера и значения реальных событий, которые привели страдальцев к мученической кончине. Массовые расстрелы обывателей и физическое истребление богоборцами лучшей части русского народа обяжут нас вновь говорить о ценности и неповторимости человеческой личности, в страданиях которой каждый раз претерпевал и Спаситель. Ясные представления о масштабах большевистских репрессий против Церкви воспрепятствуют любым этактистским соблазнам «православного сталинизма», и нынешним попыткам власти вновь представить государство в качестве высшей ценности. Одновременно это и повод для разговора об ответственности верующих, не сумевших защитить своих пастырей и храмы. Ужасы коллективизации и раскулачивания наглядно свидетельствуют о тщетных попытках обмануть Бога в безумном стремлении достичь общественного блага за счет частного разорения. Наконец, сталинско-жуковское «браконьерство» по отношению к солдатским жизням и понесенные в годы войны чудовищные потери откровенно указывают на богопротивность горделивого триумфализма.

Честные размышления о российской исторической трагедии – и преодоление ее последствий на духовном и научном уровне – значимы не только для предупреждения в России вполне вероятных рецидивов. Современное переживание Катастрофы – это свидетельство о Боге и призыв к покаянию, осознание греха, об искуплении которого нужно молиться на личном уровне. Сегодня нет другого выхода, кроме того, как начать поэтапное и мучительное осмысление собственного прошлого. В XX веке ни один народ, так как наш, не попирает установления Бога, не истребляет сам себя, и не упорствовал в собственных заблуждениях. Дальнейшее упрямство и отказ от покаяния будут означать бесславный конец страны и постсоветского общества, которое сегодня безуспешно пытается самоидентифицировать себя как «российское» и «православное».

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Население Советского Союза 1922–1991. М., 1993. С. 48; Русский календарь на 1905 г. А. Суворина. СПб., 1905. С. 104; Пушкарёв Б. С., Александров К. М., Балмасов С. С., Долинин В. Э., Цветков В. Ж., Цурганов Ю. С., Штамм А. Ю. Две России XX века 1917–1993. М., 2008. С. 307, 310.
- ² Кабузан В. М. Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции / Сб. научных трудов. М., 1994. С. 22.
- ³ Митрофанов Георгий, прот. История Русской Православной Церкви 1900–1927. СПб., 2002. С. 219, 277, 371, 398; Яковлев А. Н. Крестосев. М., 2000. С. 183, 189, 194.
- ⁴ Цит. по: Редлих Р. Н. Предатель. Мельбурн, 1981. С. 177.
- ⁵ Цит. по: Очерки большевизмоведения / Авт.-сост. Р. Н. Редлих, Н. И. Осипов, С. А. Левицкий. Франкфурт-на-Майне, 1956. С. 272.
- ⁶ Две России XX века. Указ. соч. С. 150–151; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 5; Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных Сил. Статистическое исследование / Под общ. ред. ген.-п. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 135; Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 5.
- ⁷ Цит. по: речь В. И. Ленина 12 янв. 1920 (стенограмма) // Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 80.
- ⁸ Цит. по: Пайнс Р. Русская революция. Ч. II. М., 1994. С. 389.
- ⁹ Цит. по: Редлих Р. Н. Указ. соч. С. 184.
- ¹⁰ Цит. по: Джилас М. Новый класс. Нью-Йорк, 1961. С. 51.
- ¹¹ Беляев С. Г. П. Л. Барк и финансовая политика России 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 574; Пайнс Р. Указ. соч. С. 177, 369–371, 385, 387; Френкин М. С. Трагедия крестьянских восстаний 1918–1921 гг. Иерусалим, 1987. С. 31.
- ¹² Сахаров А. Н. Россия в начале XX века: народ, власть, общество // Россия в начале XX века. / Авт. колл. под рук. А. Н. Сахарова. М., 2002. С. 37.
- ¹³ Цит. по: Книпович Б. Н. Очерк деятельности народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920). М., 1920. С. 9.
- ¹⁴ Цит. по: там же.
- ¹⁵ Цит. по: там же. С. 9–10.
- ¹⁶ Цит. по: Ильин И. А. Русская революция была безумием // в сб.: Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2 т. / Подготовка текста и вступит. статья И. Н. Смирнова. Т. I. М., 1992. С. 110.
- ¹⁷ Журавлёв В. В. Программные установки политических партий России по вопросам собственности на землю, конец XIX – начало XX века // Собственность на землю в России: история и современность / Под общ. ред. Д. Ф. Аяцкова. М., 2002. С. 198.
- ¹⁸ Цит. по: Джилас М. Указ. соч. С. 71.
- ¹⁹ Френкин М. С. Указ. соч. С. 28–29; Две России XX века. Указ. соч. С. 135.
- ²⁰ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Указ. соч. С. 10; Две России XX века. Указ. соч. С. 135; Яковлев А. Н. Указ. соч. С. 265. А. Н. Яковлев приводит цифру более 5,5 млн. умерших, суммируя жертвы голода на территории РСФСР в 1918–1922.
- ²¹ Цит. по: McMeekin S. History's Greatest Heist. The Looting of Russia by the Bolsheviks. YUP. New Haven and London, 2009. P. 191.
- ²² Цит. по: Валентинов Н. В. Наследники Ленина / Ред.-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1991. С. 37.
- ²³ Цит. по: Сталин И. В. На хлебном фронте. Из беседы со студентами Института Красной профессуры, комакадемии и Свердловского университета 28 мая 1928 // в сб.: Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1947. С. 192.
- ²⁴ Цит. по: Джилас М. Указ. соч. С. 73.
- ²⁵ Цит. по: Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. И. Чуева. М., 1991. С. 383.

- ²⁶ Подробнее об этом, см.: док. № 278 // Трагедия советской деревни. Указ. соч. Т. II. 1929–1930 / Ред.: Н. Ивницкий, В. Виноградов, Л. Виола и др. / Сост. Н. Ивницкий, М. Кудюкина, Е. Хандурина и др. М., 2000. С. 788–791, 801, 808 и др.
- ²⁷ Там же. С. 902–903.
- ²⁸ Док. № 85 // Декреты Советской власти. Т. I. 25 окт. 1917–16 марта 1918. М., 1957. С. 124–126.
- ²⁹ Авторханов А. Г. Происхождение партократии / 2-е изд. Т. I. ЦК и Ленин. Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 176–185, 196–197.
- ³⁰ Составлено автором по: док. №№ 89, 92–93 // ГУЛАГ 1918–1956. Указ. соч. С. 410, 416, 418–419; Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харьковская Т. Л. Указ. соч. С. 48; Беляев В. Н. Россия в начале XX века. Преступность и пенитенциарная система // Посев (Франкфурт-на-Майне). 1983. Ежекв. вып. II. С. 92; Данилов В. П. Советская деревня в годы «Большого террора». Введение // Трагедия советской деревни. Указ. соч. Т. V. Кн. I. С. 15; Иванова Н. А. Социально-демографическая ситуация // Россия в начале XX века. Указ. соч. С. 74–75; Русский календарь на 1905 г. Указ. соч. С. 158; Энциклопедия Третьего рейха / Сост. С. Воропаев. М., 1996. С. 263; Фест И. К. Гитлер / Биография. Пер. с нем. под ред. С. З. Случа и П. Ю. Рахшмира. Т. 2. Пермь, 1993. С. 364; Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. I. / С предисл. и под ред. О. А. Ржешевского. М., 1991. С. 314. К сожалению, автор не смог установить число арестантов, содержащихся в тюрьмах (вне концлагерей) нацистской Германии в начале 1939. Поэтому, возможно, что цифра заключенных в Германии на начало 1939 должна быть несколько выше, хотя встречаются и более низкие оценки численности заключенных в концлагерях к 1939: 25–27 тыс. Во всяком случае, общая цифра в 30 тыс. з/к для нацистской Германии на 1939 год представляется автору близкой к реальности.
- ³¹ Hoover Institution Archives, Stanford University (HIA). Collection A. Dallin. Box 22. *Артемов В. П.* Исправительно-трудовые лагеря МВД СССР. Очерк в двух частях. Бавария, 1950. Машинопись. Ч. I. Л. 2–3, 57, 66, 75–76, 87, 112–113.
- ³² О репрессиях против Церкви, см.: *Митрофанов Георгий*, прот. Указ. соч. С. 8, 219, 371, 398; *Митрофанов Георгий*, прот. Церковное возрождение в контексте военного конфликта двух тоталитарных режимов // в сб.: *Митрофанов Георгий*, прот. Трагедия России. «Запретные» темы истории XX века в церковной проповеди и публицистике. СПб., 2009. С. 100–101; *Обозный К. П.* История Псковской Православной миссии 1941–1944 гг. М., 2008. С. 52; *Яковлев А. Н.* Указ. соч. С. 194.
- ³³ *Яковлев А. Н.* Указ. соч. С. 195.
- ³⁴ Цит. по: *Авторханов А. Г.* Указ. соч. Т. I. С. 498.
- ³⁵ *Мельтохов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. М., 2002. С. 233.
- ³⁶ Цит. по: Там же. С. 87.
- ³⁷ Две России XX века. Указ. соч. С. 237, 240.
- ³⁸ *Overmans R.* Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg / 3. Aufl. München, 2004. S. 265 et cetera.
- ³⁹ *Елисеев В. Т.* Документы Центрального архива МО РФ о Вяземском окружении, потерях в Московской битве и новой концепции по истории вооруженной борьбы на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // Трагедия Вяземского окружения как пролог битвы за Москву / Хмелитский сб. Вып. 8. Смоленск, 2007. С. 276.
- ⁴⁰ О расчетах на основании данных переписей населения, см.: Две России XX века. Указ. соч. С. 305–308.
- ⁴¹ Цит. по: «Только преступники могли так сорить своим народом!» // Новая газета (Москва). 2009. 6 мая. № 46.
- ⁴² Цит. по: Две России XX века. Указ. соч. С. 344.

ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Зинаида Партис

Черубина де Габриак

ИСТОРИЯ ВТОРОЙ ДУЭЛИ НА ЧЁРНОЙ РЕЧКЕ

История второй дуэли на Чёрной Речке не столь знаменита, скорее всего известна только кругу литературоведов-филологов, тем более, что имя одного из участников этой дуэли было на многие годы изъято из литературной жизни России и насильственно вычеркнуто из памяти русского народа. Возвращено это имя в жизнь, а также его замечательные творения русской литературе, увы, только после 1989 года, во времена «перестройки и гласности». Вторая не столь «знаменитая» дуэль на Чёрной Речке произошла сто лет назад, 22 ноября 1909 г. через 72 с лишним года после первой /Пушкин – Дантес/ между двумя поэтами, если не друзьями, то вполне расположенными и ценившими друг друга на тот момент Николаем Степановичем Гумилёвым и Максимилианом Александровичем Волошиным. О хороших отношениях между ними говорит то обстоятельство, что за несколько месяцев до дуэли 7 июня того же 1909 года Волошин попросил Гумилёва об услуге, о которой можно просить либо друга,

11/2009

либо человека, которого уважаешь и кому доверяешь.

Волошин попросил Гумилёва быть его секундантом в намечавшейся, но не состоявшейся дуэли, на которую он вызвал К.И. Лукьянчикова за нанесенное письменное оскорбление его матери Е.О. Волошиной. Гумилёв, а также многолетний друг Волошина – А.Н. Толстой согласились быть его секундантами.

По просьбе жены Лукьянчикова – А.И. Орловой, бывшей многие годы близкой приятельницей Волошина и его матери, дуэль была отменена. Но в ноябре этого же года Волошину самому пришлось принять вызов на дуэль от Гумилёва.

Дуэль состоялась на той же самой Чёрной Речке, но обошлась без кровопролития и дуэлянты остались живы. Причина дуэли этой?! Как сказали французы, а за ними повторил мир: «Cherchez la femme» – ищите женщину.

Причиной раздора между Гумилёвым и Волошиным стала талантливая молодая поэтесса Елизавета Ивановна Дмитриева, увековеченная в литературе не столько своими стихами, сколько замечательным рассказом о ней Марины Цветаевой в очерке «Живое о живом» – Черубина де Габриа.

Несмотря на благополучный исход дуэли, вина за неё была на совести Дмитриевой и, по-видимому, мучила её. В 1926 году, после гибели Гумилёва, расстрелянного петербургскими чекистами в августе 1921, Е.И. Дмитриева написала свою «Исповедь», завещав опубликовать её только после своей смерти.

Таким образом, истинная причина дуэли на многие годы оставалась затуманенной, хотя очевидцы и современники писали об этом и долго вспоминали. Волошин в своем дневнике, описывая событие, явно приукрашал свою роль защитника оскорблённой девушки, ибо его роль в этой истории (и здесь я совсем не согласна с Мариной Цветаевой) была далеко не благородной, а скорее наоборот. Как мы в дальнейшем увидим, он азартно играл судьбами своих друзей, как кукловод куклами, и был не менее Дмитриевой повинен в случившейся дуэли.

В «Исповеди» Елизавета Дмитриева признаётся, что у неё был роман с двумя поэтами одновременно: оба были влюблены в неё, и она была влюблена в обоих. Волошина она встретила на несколько лет раньше, любила его поэзию ещё с ранних девических лет, посылала ему свои стихи, переписывалась с ним и обожествляла его, считая недостижимым идеалом для себя. Гумилёва она встретила в июне 1907 года в Париже в мастерской художника Себастиана Гуревича. Встреча запомнилась обоим, но последствий не предполагала. Весной 1909 г на поэтических чтениях в «Башне» Вячеслава Иванова Волошин представил её Гумилёву, как молодую поэтессу, вероятно по просьбе Дмитриевой. Она пишет, что оба тотчас вспомнили друг друга: «ночной Париж, кафе «Чёрная Кошка», сеанс поэ-

рования у Себастиана Гуревича...». Об их второй встрече Елизавета Дмитриева писала: «Это был значительный вечер в моей жизни... Мы много говорили с Гумилёвым об Африке, почти с полуслова понимали друг друга... Он поехал провожать меня, и тут же сразу мы оба с беспощадной ясностью поняли, что это была «встреча» и не нам ей противиться». Какое-то время они были неразлучны, встречаясь ежедневно и проводя вместе много времени. Гумилёв подарил ей альбом и надписал: «Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей, я нашёл себе подругу из породы лебедей.» По словам Елизаветы Дмитриевой она безоглядно бросилась в этот роман, хотя была в это время невестой другого, жених её, друг детства Воля Васильев, в это время отбывал воинскую повинность. Спустя многие годы она вышла за него замуж и стала Васильева.

Сердце Гумилёва также не было вполне свободно. Начиная с 1903 года, он был влюблён в гимназистку Аню Горенко. Оба учились и жили в Царском Селе. К 1909 году Гумилёв получил уже не менее 6–7 отказов от Ани Горенко на предложения выйти за него замуж. Его угнетали её отказы, мучила ревность, он знал, что у неё был любовник. Когда жизнь стала невыносимой из-за терзавшей его безответной любви, он пытался умереть – уехал в Нормандию топиться. Попытка не удалась и он вернулся в Петербург.

Будущая Анна Ахматова уже с зимы 1905 года любила другого – своего бывшего репетитора по математике Владимира Викторовича Голенищев-Кутузова, но дружбы с Гумилёвым не прерывала. Владимир Голенищев-Кутузов был студентом Петербургского университета, приятелем мужа её старшей сестры Инны, Сергея Владимировича Штейна. На основании сохранившихся 10 писем Анны Ахматовой к С.В. Штейну исследователи её творчества называли его «душевым поверенным Ани Горенко». Письма к Штейну свидетельствуют, что любовь Ани Горенко к Кутузову была такой же несчастливой, как любовь Гумилёва к ней. Из письма августа 1906 г: «...Даже стыдно перед Вами сознаться: я до сих пор люблю В.Г.-К. И в жизни нет ничего, ничего, кроме этого чувства». Из 2-го письма 1906 г: «...Говорил ли Вам Андрей, как я в Евпатории вешалась и гвоздь выскочил из известковой стенки?.. Мама плакала, мне было стыдно – вообще скверно». А в её дневнике запись от конца декабря 1905 г: «попытка самоубийства: Резала вены: «кухонным грязным ножом, чтоб заражение крови... Мне 16 лет было».

Измученный любовью к Ане Горенко, её постоянными отказами, и нежеланием воспринимать его серьёзно, Гумилёв сделал предложение своей новой возлюбленной Е.И. Дмитриевой, но получил отказ. Видимо, таким образом Дмитриева решила сохранить верность жениху – Воле Васильеву. В мае 1909 г. Гумилев пригласил Дмитриеву

в Коктебель к Волошину, не подозревая об их истинных взаимоотношениях. Она согласилась. Их роман расцвёл. Для обоих первые дни в Коктебеле были феерическими. Романтические прогулки по красивейшим местам, морские купания, увлекательные беседы, близость мужчины и женщины. Гумилёв в то время писал поэму «Капитаны» и по ночам читал куски из неё подруге. Возможно, в этот период, Гумилев, человек большого мужского благородства, сделал Дмитриевой повторное предложение, она в «Исповеди» сообщает, что он сделал ей предложение не один раз. Но неожиданно, как она пишет, в душе её всё смешалось: образ Волошина, его поэзия, он старше на 10 лет (Гумилёв – ровесник), добавлю от себя – и облик греческого Бога с Олимпа с могучим торсом, заслонил Гумилёва и овладел её воображением. Она попросила Гумилёва уехать, ничего не объясняя, что он и сделал, сочтя это женским капризом. Она же осталась с Волошиным в его доме до конца сентября и позже писала, что это были лучшие дни её жизни. Здесь в эти дни и родилась Черубина де Габриак, ставшая самой яркой мистификацией в Истории русской литературы двадцатого века. Автором этой мистификации и звучного псевдонима был Максимилиан Волошин.

В 1909 году в Петербурге открылся новый журнал «Аполлон». Из воспоминаний А.Н. Толстого: «... Открылся «Аполлон» с выставками и вечерами поэзии... чтения о стихосложении, начатые весной на «Башне» у Иванова были перенесены в «Аполлон» и превращены в Академию Стиха. Появился Анненский, высокий, в красном жилете, прямой старик с головой Дон Кихота, с трудными и необыкновенными стихами... Играл Скрябин. Из Москвы приезжал Белый с теорией поэтики в тысячу страниц...». Главный редактор Сергей Константинович Маковский – рафинированный эстет, воплощение элегантности и аристократических манер, любивший также красивых элегантных женщин, ратовавший за то, чтобы в редакции были красивые дамы, по меньшей мере, балерины из кордебалета, а мужчины являлись в редакцию в смокингах. Елизавета Дмитриева принесла ему свои стихи, надеясь их опубликовать. Гумилёв до этого предлагал ей помощь, он был членом редакции, но она отказалась. Маковский не счёл их подходящими для публикации, и невзрачная внешность её (маленькая, полненькая, прихрамывающая) ему, наверно, не приглянулась. Волошину стихи её нравились. У него возникла идея: он отобрал лучшие из них, которые могли заинтриговать столичную художественно-литературную элиту, придумал псевдоним, да еще с таким красивым именем, и образ таинственной иноземной красавицы – молодой поэтессы – готов.

В конце августа 1909 года редактор «Аполлона» получил письмо, запечатанное чёрным сургучом с девизом на печати «*Vae victis*» – Горе побеж-

дённым! В конверте, благоухавшем тонкими, изысканными духами, было несколько листков с траурной чёрной каймой, переложенных засушенными листочками, цветами и лепестками цветов и несколько стихотворений, написанных по-русски и письмо, написанное по-французски изящным остроугольным почерком. Обратного адреса не было, подписано одной буквой «Ч». Маковский стал регулярно получать прекрасно благоухавшие конверты с вложенными в них засушенными цветочками-лепесточками и мелко исписанными листками в траурной кайме со стихами рыцарско-романтической патетики. Маковский позже писал: «...стихи меня заинтересовали не столько формой, сколько автобиографическими полупризнаниями...». Он увидел в стихах образ юной красивой девушки с печальной и таинственной судьбой. Лето этого года Маковский был сильно болен, простуженный после поездки в Финляндию, ему был предписан постельный режим на несколько недель. Пришедшее в это время письмо со стихами, как бы вывело его из скучной повседневности и захватило своей таинственностью. Когда Волошин пришёл к нему через пару дней разнюхать реакцию на полученное письмо, он увидел у него А. Толстого, красного от смущения, слушавшего стихи, которые недавно в Коктебеле у Макса читала, лежавшая в темноте на полу, Лиля Дмитриева. Толстой не знал, как ему реагировать. Волошину удалось шепнуть: «Молчи, уходи!», что тот и сделал. Через несколько дней в квартире Маковского телефонный звонок и он услышал чарующий волшебный голос, который принадлежал юной поэтессе. В своих мемуарах Маковский писал: «Голос у неё оказался удивительным: никогда, кажется, не слышал я более обвороживающего голоса. Не менее привлекательная была и вся немного картавая, затушёванная речь: так разговаривают женщины очень кокетливые, привыкшие нравиться, уверенные в своей неотразимости.»

Наибольший интерес в кругу «Аполлоновцев» вызывали полупризнания «прекрасной незнакомки»: она намекала, что происходит из древнего, едва ли не царского рода, необычайно хороша собой, томится на чужбине и несёт крест избранничества и мучительной любви. Волошин принимал непосредственное участие в составлении писем Черубины к Маковскому, был руководителем и блистательным режиссёром этой игры. Переписка становилась всё оживлённей, а Маковский всё чаще советовался с Волошиным, что писать в ответ и называл Волошина «мой Сирано». Маковский при встречах с Волошиным, показывая ему письма Черубины, написанные или отредактированные самим Волошиным, говорил: «Какая изумительная девушка! Я всегда умел играть женским сердцем, но теперь у меня каждый день выбита шпага из рук». Волошин радовался, что его чудная идея проходит в жизни, как по маслу,

11/2009

и добавлял ещё масла в огонь, уже сжигающий Маковского. Он постоянно хвалил стихи Черубины и писал в «Аполлон» восторженные рецензии: «...достоверно то, писал он, что стихотворения Черубины де Габриак таят в себе качества драгоценные и редкие: темперамент, характер и страсть. Нас увлекает страсть Лермонтова. Мы ценим темперамент в Бальмонте и характер в Брюсове но в поэте-женщине черты эти нам непривычны, и от них слегка кружится голова. За последние годы молодые поэты настолько подавили нас своими безукоризненными стихотворениями, застёгнутыми на все пуговицы своих сверкающих рифм, что эта свободная речь с её недосказанностями, а иногда ошибками, кажется нам новой и особенно обаятельной...» Не один Маковский, многие «Аполлоновцы» сходили с ума от её искусительных стихов. Вот два образца из них:

*Лишь раз один, как папоротник, я
Цвету огнём весенней, пьяной ночью...
Приди за мной к лесному средоточью
В заклятый круг, приди, сорви меня.*

*Люби меня. Я всем тебе близка.
О, уступи моей любовной порче
Я, как миндаль, смертельна и горька,
Нежней чем смерть, обманчивей и горче.*

*С моею царственной мечтой
Одна брожу по всей вселенной,
С моим презреньем к жизни тленной,
С моею горькой красотой.*

*Царицей призрачного трона
Меня поставила судьба...
Венчает гордый выгиб лба
Червонных кос моих корона.*

*Но спят в угаснувших веках
Все те, кто были бы любимы,
Как я, печалию томимы,
Как я, одни в своих мечтах.*

*И я умру в степях чужбины,
Не разомкну заклятый круг,
К чему так нежны кисти рук,
Так тонко имя Черубины?*

«Ей посылали корректуры с золотым обрезом и корзины роз. Её превосходные и волнующие стихи были смесью лжи, печали и чувственности». «Влюбился весь «Аполлон» – имён не надо. Их было много, она – одна. Они хотели видеть, она – скрыться...» – писала Марина Цветаева в очерке «Живое о живом». Маковский уже настойчиво требовал свидания. На все просьбы увидеть её Черубина отвечала отказом, ссылаясь на то, что жи-

вёт с очень суровым католиком отцом и под прищотом строгого духовника-иезуита. Она говорила ему по телефону: «Завтра я буду кататься на островах. Сердце Вам подскажет и Вы узнаете меня...» Он ехал на острова, «узнавал» её, потом по телефону описывал её наряд, автомобиль. Она смеялась: я никогда не езжу в автомобиле, только на лошадях. Завтра я буду в одной из лож бенуара на премьере балета, забавлялась она, играя в «кошки – мышки», Сергей Константинович мчался в театр, высматривал самую красивую из дам в ложах бенуара, уверенный, что узнал её. На другой день она ему по телефону: «Я уверена, что Вам понравилась дама в первом ярусе бенуара в розовом платье, которую сопровождал седой старик с плоским лицом». В очередной раз она сказала, что уезжает на неопределённое время в Париж к своей модистке. Маковский сходил с ума. Иннокентий Фёдорович Анненский, глядя, как эта неожиданная любовь буквально съедает главного редактора на глазах, сказал ему: «Сергей Константинович, нельзя же так мучиться, поезжайте в Париж и разыщите её там, а я побуду в редакции за Вас...», даже деньгами предложил ссудить. Маковский колебался, но не поехал. Весь этот «Бум» в «Аполлоне» не обошел стороной Гумилёва, он тоже влюбился в Черубину и мечтал завоевать её, не подозревая, что Черубина не кто иная, как Лиля Дмитриева, с которой он провёл в близости прошлое лето и которая перешла из его рук в руки Волошина. Необходимо заметить, что Гумилёв за все три месяца мистификации никогда и нигде не высказал ни одного слова о стихах Черубины де Габриак, хотя внимательно следил за творчеством молодых, начинающих поэтов и своевременно писал рецензии об их сборниках и стихах. Возможно, он раскусил эту игру, но из гордости, презрения, благородства – молчал. Ведь он, должно быть, знал стихи Лили Дмитриевой! Как бы то ни было – легенда гласит, что он был неистово влюблён в таинственную испанскую аристократку, пишущую стихи, которыми восторгался «Аполлон», и был уверен, что покорит испанку, как только встретит её. Разумеется, влюблённость в Черубину не была всеобщей, некоторые в «Аполлоне» открыто считали стихи Черубины мистификацией и подозревали самого главного редактора, так как все сведения о ней выходили в свет обычно из его кабинета. Первый высказал сомнение И.Ф. Анненский: «...Нет, воля ваша, что-то в ней не то. Нечистое это дело...» и всё же посвятил ей несколько строк в своей статье о молодых поэтах. Подвох заподозрил и Вячеслав Иванов, встретив Волошина, сказал ему: «Мне нравятся стихи Черубины, но если это мистификация – то гениальная», ожидая, что Волошин «каркнет», но тот не «каркнул» и в поздних мемуарах самодовольно гордился этим. Лилия Дмитриева в то время спокойно посещала все мероприятия в «Аполлоне» и на «Башне» Вячеслава Иванова вместе с Волошиным, и глаза

её сияли от удовольствия: все разговоры о Черубине шли при ней.

Атмосфера в «Аполлоне» накалялась. Алексей Толстой стал уговаривать Волошина прекратить игру, которая не приведёт к хорошему. Но Волошин увлёкся, не думая, что он играет судьбами и душами живых людей, а не марионетками, и в азарте игры уже не хотел остановиться. Лиля, сначала сиявшая и наслаждавшаяся этой игрой, постепенно стала тяготиться своей тайной, ей стало казаться, что её преследуют призраки, что за ней везде по пятам следует её двойник Она поделилась своими страхами с Гумилёвым, ища поддержки, хотела, чтобы он пошёл её провожать после поздно кончившегося собрания на «Башне» Иванова, но он удивился и счёл её сумасшедшей. Провожать не пошёл. Тогда она попросила её проводить Иоганнеса фон Гюнтера, молодого поэта, занимавшегося в «Аполлоне» переводами русской поэзии на немецкий язык и увлекавшегося оккультизмом. Гюнтер пошёл её провожать. Когда извозчик остановился возле её дома и Гюнтер помог ей сойти, Лилия сказала, что хочет немного пройтись. Они долго гуляли. «Она была в очень нервном, возбуждённом состоянии. Очевидно, Гюнтер добился от неё каких-то признаний...» – пишет Толстой. Наутро, после проведенной у Дмитриевой ночи, Гюнтер помчался прямо к Михаилу Кузмину со своей драгоценной новостью. Кузмин немедленно понёс её Маковскому. Маковский не хотел этому верить и позвонил по телефону Елизавете Дмитриевой. Его лицо и голос изменились, когда он услышал в ответ «волшебный чарующий» голос Черубины. Дмитриева до конца своей жизни не могла забыть, как изменился в тот момент его голос. В редакционных кругах стала расти сплетня. Гюнтер рассказывал, что Гумилёв говорит о том, как у них с Лилей был большой роман в Коктебеле. Гюнтер устроил Лиле «очную ставку» с Гумилёвым, которому она вынуждена была сказать, что он лжёт. Волошин почувствовал себя ответственным за всё и решил дать пощёчину Гумилёву по всем правилам дуэльного искусства: сильно, кратко и неожиданно как учил его сам Гумилёв за год перед этим. Толстой вспоминает: «Мистификация, начатая с шутки, зашла слишком далеко... В редакции «Аполлон» настроение было, как перед грозой. И неожиданно для всех гроза разразилась над головой Гумилёва. Здесь, конечно, не место рассказывать о том, чего сам Гумилёв никогда не желал делать достоянием общества. Но я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенное ему, – в произнесении им некоторых неосторожных слов – было ложно: слов этих он не произносил и произнести не мог. Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения, когда же была устроена очная ставка и он услышал на очной ставке ложь, то он из гордости и презрения подтвердил эту ложь. В Мариинском театре, наверно, в огромной, как площадь, мастерской Го-

ловина...произошла тяжёлая сцена в двух шагах от меня: поэт Волошин, бросившись к Гумилёву, оскорбил его. К ним подбежали Анненский, Головин, В. Иванов. Но Гумилёв, прямой, весь напряжённый, заложив руки за спину и стиснув их, уже овладел собою. Здесь же он вызвал на дуэль Волошина. Весь следующий день между секундантами шли отчаянные переговоры. Гумилёв предъявил требование стреляться в пяти шагах до смерти одного из противников. Он не шутил. Для него, конечно, изо всей этой путаницы, мистификации и лжи не было иного выхода, кроме смерти. С большим трудом, под утро, секундантам Волошина – князю Шервашидзе и мне – удалось уговорить секундантов Гумилёва – Зноско-Боровского и М. Кузмина – стреляться на пятнадцати шагах. Но надо было уломать Гумилёва». Нам ясно, что сочувствие и симпатии А.Н. Толстого явно на стороне Гумилёва, несмотря на то, что он друг и секундант Волошина. Обратимся к воспоминаниям Волошина: «Мы встретились с ним в мастерской Головина в Мариинском театре во время представления «Фауста». Головин в это время писал портреты поэтов, сотрудников «Аполлона». В этот вечер я позировал. В мастерской было много народу, в том числе – Гумилёв... на полу были разостланы декорации к «Орфею». Все были уже в сборе. Гумилёв стоял с Блоком на другом конце залы. Шалыпин внизу запел «Заклинание цветов». Я решил дать ему кончить. Когда он кончил, я подошёл к Гумилёву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощёчину. В первый момент я сам ужасно опешил, а когда опомнился, услышал голос И.Ф. Анненского, который говорил: «Достоевский прав. Звук пощёчины – действительно мокрый»... На другой день рано утром мы стрелялись за Новой Деревней возле Чёрной Речки если не той самой парой пистолетов, которой стрелялся Пушкин, то, во всяком случае, современной ему». Дуэль – для нас слово зловещее, жуткое – равное смерти. Дуэль вырвала у русского народа двух Великих поэтов – Пушкина и Лермонтова. Дуэль, о которой я рассказываю, по счастью, не только не имела зловещего конца, но имела забавные, смешные моменты. Оба дуэлянта опоздали к месту дуэли. Гумилёв прибыл на собственном автомобиле в дорогой шубе и цилиндре, но его машина застряла в снегу, и её пришлось откапывать секундантам и дворникам. Волошин приехал на обыкновенном извозчике, но тоже застрял в сугробе и решил идти пешком, но по дороге потерял калошу. Стреляться без калоши он не хотел. Секунданты бросились разыскивать в снегу калошу, нашли и вернули владельцу. После чего «бесстрашный Гумилёв сбросил шубу с плеч. Остался в смокинге и цилиндре. Напротив стоял растерянный Волошин в шубе без шапки, но в калошах. В глазах его были слёзы, а руки дрожали». А дальше – выбранный распорядителем дуэли Толстой стал отсчитывать роковые секунды. Гумилёв стрелял первый и то-ли из-за сво-

11/2009

ей врождённой близорукости и косоглазия, или просто не хотел попасть в Волошина, промахнулся. Волошин же, как впоследствии выяснилось, стрелять вообще не умел. Когда второго выстрела не последовало, Гумилёв в бешенстве закричал: «Я требую, чтобы этот господин стрелял!». Волошин, волнуясь, произнёс: «У меня была осечка». «Пускай он стреляет во второй раз» – крикнул Гумилёв. Волошин поднял пистолет, щёлкнул курок, но выстрела не было. Толстой подбежал к Волошину, выдернул из его дрожащей руки пистолет и выстрелил в снег, выстрел раздался. Тогда Гумилёв упрямо потребовал, чтобы Волошин стрелял третий раз. Секунданты, посоветовавшись, отказали: это противоречило правилам. «Гумилёв поднял шубу, перекинул её через руку и пошёл к автомобилю». Не суждено было Николаю Степановичу Гумилёву умереть от Волошинской пули, ему была предназначена судьбой – чекистская, которую он предсказал себе в стихотворении «Рабочий»:

*Он стоит пред раскалённым горном,
Невысокий старый человек.
Взгляд спокойный кажется покорным
От миганья красноватых век.*

*Все товарищи его заснули,
Только он один ещё не спит:
Всё он занят отливаньем пули,
Что меня с землёю разлучит.*

*Пуля, им отлитая, просвищет
Над седою, вспененной Двиной,
Пуля, им отлитая отыщется
Грудь мою, она пришла за мной.*

*Упаду, смертельно затоскую,
Прошлое увижу наяву,
Кровь ключом захлещет на сухую,
Пыльную и мятую траву.*

Григорий Амнуэль

О праве и не праве, о кино, выборах и жизни

В Москве, в октябре, почти совпали по времени два независимых друг от друга события. В первых, очередной кинофестиваль независимого американского кино и, во-вторых, независимые от москвичей выборы в столичную городскую Думу. Казалось бы, что общего? Но с точки зрения права аналогии просматриваются.

На фестивале, может быть, не самым привлекательным, но уж точно самым загадочным и злободневным стал документальный фильм «Роман Полански разыскиваемый и желанный» – непредвзятый рассказ об истории «одного преступления» отозвавшегося через 30 лет задержанием великого режиссёра в Цюрихе и заключением его в тюрьму по запросу об экстрадиции в США. С одной стороны, Закон демонстрирует, что перед ним все равны, с другой – показывает, что бывает, когда исполнение Закона само превращается в «Театр». Беда, когда артист, забыв о том, что жизнь не сцена, слишком легко переступает грани дозволенного, но куда страшней, когда вершители судеб обращают Закон в Шоу.

В двух словах напомним читателю, в чём суть. Роман Полански – один из самых известных кинорежиссёров, снявший свой первый фильм «Нож в воде» в социалистической Польше. В связи с несовпадением с коммунистической пропагандой и социалистической эстетикой вынужден был уехать на Запад. А еще в детстве Роман прошел через все круги нацистского ада, накрывшего Польшу в середине XX века. Еврейское гетто, гибель родителей, чудо спасения от неминуемого, как уже казалось, уничтожения, оккупация, восстание. Этого многим хватило бы на всю жизнь, но для Романа

стало только началом... На западе его талант расцвёл, достаточно вспомнить такие шедевры мировой кинематографии как «Бал вампиров» и «Ребёнок Розмари» с его молодой красавицей женой Шарон Тей. Призы, фестивали, неотступное внимание прессы, слава. Казалось, что впереди только успех и красные ковровые дорожки фестивальных дворцов, но левоэкстремистская банда Мэнсона устраивает кровавую бойню и убивает Шарон Тей на восьмом месяце беременности... Оставляя на стенах кровавые, кровоточащие надписи: «свиньи», то ли обращаясь к кому-то, то ли, подписываясь... Пережить смерть любимой жены и ребёнка, это чрезмерно для любого. Но Роман находит в себе силы и продолжает творить. Появляется «Китайский квартал», другие фильмы и, наконец, абсолютная вершина его творчества – «Пианист», премированный всеми высшими призами киномира. Но! В середине этого страшного и прекрасного пути, почище самых крутых американских горок, случается история. Молодёжная фотомодель соискательница успеха, по согласию мамы готова сниматься на вилле Джека Николсона, разумеется, как принято в кино, не совсем одетой... Шаг, ещё, бокальчик шампанского, или ещё чего-то кружащего голову, полшага до возможной карьеры, горящие в глазах лучи славы... Думаю описывать нет смысла, многие мечтают, если не наяву, то во снах о таком шансе... Наутро звонок в полицию, НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА, ПРАВОВ. Процесс завертелся! СМИ тут как тут. Судья никогда не видел по отношению к себе такого внимания. Вот она – «Минута славы», и понеслось! Фильм подробно, по странице восстанавливает всё дело. Адвокат, прокурор, полицей-

ский следователь, помощник шерифа, фотографии из газет, потерпевшая, её мама, друзья кинематографисты. Короткое заточение в тюрьму, свобода, опять угроза, но уже реального и длительного ареста, и побег в Европу, во Францию, где можно продолжать жить, творить, снимать. Но помнить, что «дамоклов меч» американской юстиции подвешен... Даже для получения Оскара Роман не смог прилететь в Лос-Анджелес! И это внимание почти через 25 лет!!! Прошло ещё 5 лет и свершилось – швейцарская юстиция арестовала его, выполнив перед США свой долг в период межбанковского кризиса и спора о законности американских счетов в швейцарских банках. Потерпевшая, кстати, давно уже мать нескольких детей и счастливая средняя американка, получившая солидную компенсацию за понесённые страдания, просит прекратить преследование. Письма протеста подписывают звёзды кино. Юстиция неумолима – Закон есть Закон!

Но к чему я всё это описываю и причём тут выборы в Московскую думу? – спросите вы, уважаемый читатель! Разумеется, почти не причём, если не брать во внимание самую малость – ЗАКОН! Вроде бы ничего такого никто из оппозиционеров не совершал, более того, среди них даже числятся бывшие депутаты Государственной Думы, но ВСЕМ им – в регистрации отказано. Представьте, у всех представителей оппозиции подписные листы неправильно оформлены! А у прочих? Всё в полном порядке. Как очумевший, мечется Митрохин (лидер Яблока), пытаюсь угодить Ю.М. Лужкову, и даже свою бывшую коллегу Хованскую (она теперь в Справедливой России) готов дискредитировать. Но ничто не помогает. На участке, где голосует Митрохин, отгадайте за кого?! По протоколу ни одного голоса не подано за Яблоко и Митрохина!!! А Вы говорите, кино! Вся Москва в гигантских билбордах великой и могучей Партии, на них и Президент и Премьер! Обратите на это внимание, странная реклама для кандидатов в МГД. А что по стране? Вы себе представляете!? Ну ладно как тихо проходят в нашей первой истории 30 лет, так тихо проходит 11 октября – единый день выборов. Хотите знать результаты. Они постоянны, очевидны и НЕПОКОЛЕБИМЫ! Но даже проверенные КПРФ, ЛДПР и Справедливая Россия не выдерживают этой непоколебимости! Вы не поверите – покидают демонстративно! Зал заседаний ГосДумы! Требуют отставки Чурова (Председатель Центризбиркома), Грызлова (Председатель ГДФСРФ). – Ну да, сейчас – разбежались! Требуют встречи с гарантом ЗАКОНА и КОНСТИТУЦИИ – ПРЕЗИДЕНТОМ – занят, примет позже. А в СМИ им, нет, простите не им, а нам, гражданам, отвечают Президент, Премьер, Чуров, Грызлов и лидеры Исполкома Политсовета Единой России – пересмотра итогов не будет и не может быть (?), хотите подавать в суд – подавайте, но итоги не оспариваемы! **Странно, ещё никто не подал в суд, а решение суда уже определено! Видимо, это что-**

то из суверенной юриспруденции и суверенной демократии! И самое главное!!! Все недовольные выборами – недовольны по указанию из-за рубежа, западных спецслужб (КПРФ!!!???) и разыгрывали выход из зала заседаний Государственной думы для г-жи Клинтон (госсекретарь США) вот такие у нас и театр, и кино, и искусство, и ЗАКОН!

Так вот к чему я всё это сравнил. Так просто наглядно, где право – право, а где право дышло – кто сильнее и главней, у того всё и вышло!

Настойчивые уверения оппозиции в том, что результаты выборов в Мосгордуму, состоявшихся 11 октября, были фальсифицированы, находят подтверждения в цифрах соцпросов. «Левада-центр», на основании опроса ходивших на выборы москвичей, утверждает, что за «Единую Россию» проголосовало на 20 процентов меньше, чем заявлено официально.

Мосгоризбирком представил обществу такой расклад: 66,25 процента – у «Единой России»; 13,3 – у КПРФ; 6,13 – у ЛДПР; 5,33 – у Справедливой России; 4,71 – у «Яблока».

При этом три последних из перечисленных партий, не преодолели необходимого 7-процентного барьера, и в столичную Думу не попали, как и другие, получившие еще меньший процент.

Но проведенный опрос утверждает, что «единороссам» досталось хоть и больше других избирательских голосов, но все же лишь 46,1 процента от числа москвичей, ходивших на выборы. Заявили, что голосовали за КПРФ 27,1 процента; за ЛДПР – 11,8; за Справедливую Россию – 7,9; за «Яблоко» – 3,9. А большая половина опрошенных (54,7) – просто не ходила голосовать.

По явке к избирательным урнам опросы показывают заметно меньшие цифры: 23 процента вместо 31. «Единороссовские» голоса сложились в цифры заметно меньше половины голосовавших. То же и с итогом прохождения в Мосгордуму трех-четырех партий. По утверждению Гражданкина из этого следует вывод, что «вброс» и подделка бюллетеней в столице исчислялись сотнями тысяч.

Оппозиция, усомнившаяся в результатах московских выборов, предприняла акцию протеста. 14 октября представители трех фракций – КПРФ, ЛДПР и «эсеров» покинули зал заседаний Госдумы. А лидеры КПРФ и ЛДПР еще и потребовали отставки главы Центральной Избирательной Комиссии Владимира Чурова. Коммунисты даже допускали возможность отказаться от мандатов в Мосгордуму, однако позднее Геннадий Зюганов заявил, что любая трибуна хороша для высказывания своего мнения.

Предполагается, что при Мосгордуме создадут общественную комиссию из представителей политических партий, не преодолевших 7-процентного барьера на выборах, чтобы и оппозиция получила возможность высказывать свое мнение.

Соб. инф.

Борис Соколов

Книга «Спор о варягах»

Книга известного российского историка и археолога Льва Клейна посвящена многовековому спору о роли варягов (норманнов) в создании Древнерусского государства. Здесь собрана впервые публикуемая рукопись автора 1960 года по историографии варяжского вопроса, по которой он вел Славяно-Варяжский семинар в Ленинградском университете, материалы дискуссии, устроенной в том же университете в 1965 году, а также ряд позднейших статей и воспоминаний ее участников. Клейн был основоположником научного подхода к норманнскому вопросу, т. е. признающим, что слово «Русь» и имена первых русских князей имеют скандинавское происхождение, и что русская государственность возникла вследствие завоевания восточнославянских племен варягами (норманнами). В советское время, начиная с послевоенных лет, в советской официальной науке безоговорочно господствовал антинорманизм, утверждавший, что слово «Русь» имеет какое угодно происхождение, но только не скандинавское, а первые русские князья, если и носили скандинавские имена, то были не более, чем наемниками на службе у славянской племенной знати. Всех тех, кто пытался отстаивать положения норманизма, объявляли антимарксистами и антипатриотами. Клейн признает, что для того, чтобы «протаскивать» норманистские идеи, требовалось придать им марксистскую форму и сам термин «норманизм» применительно к этим идеям не употреблять. Он подчеркивает, что, принимаясь за варяжскую проблему, прекрасно сознавал, – всю правду и сразу сказать ему не дадут. Поэтому «придется непременно привязать свою позицию к марксизму и найти политически уязвимые места в позиции противников». Нельзя было также называть себя «норманистом», требовалось делать вид, что ты стоишь «над схваткой», находя как сильные места, так и слабости в позициях тех и других. Клейн прав в том, что «норманизм» в советское время был таким же пропагандистским клише как «безродный космополитизм», «морганнизм-вейсманизм», «марризм» и т. п. Как подчеркивает исследователь, «в то же самое время, когда норманны участвовали в создании русского государства, посадив своих конунгов князьями в Новгороде и Киеве (насчет Новгорода – некоторое преувеличение, поскольку к тому времени, когда Рюрик или его преемник уже были в Киеве, Новгорода еще просто не существовало, и базой норманнов была Старая Ладога, о чем, кстати, много говорится в книге Клейна. – Б.С.), норманнами были завоеваны значительная часть Англии и часть Северной Франции (Нормандия). Так

же, как на нашей территории, они там быстро ассимилировались, в Нормандии – офранцузились, и когда Вильгельм Завоеватель со своими нормандскими рыцарями высадился в Англии, они привезли туда не норманнскую речь, а французскую, от которой и происходит французский компонент нынешнего английского языка. Но ни в Англии, ни во Франции своего антинорманизма нет! Все ученые там норманисты (по критериям наших антинорманистов). Антинорманизм – сугубая специфика России».

Несомненно, антинорманизм – следствие глубоко скрытого комплекса национальной неполноценности в условиях отсутствия демократии и свободы слова. По книге Клейна нетрудно проследить, что собственно научная норманнская теория одерживала верх в периоды, когда режим в России становился либеральней, будь то эпоха реформ 1860-х годов или начало XX века, когда в результате революции 1905 г. в стране появились элементы парламентской демократии и относительная свобода слова. Зато после установления большевицкой диктатуры и перехода ее в национальную фазу, ознаменовавшуюся борьбой с «безродными космополитами», антинорманизм стал господствующей и единственной официально признанной теорией по соответствующему вопросу. Сегодня антинорманизм поднимает голову, прежде всего, потому, что с приходом к власти Путина в стране практически установился жесткий авторитарный режим, свобода слова во многих сферах сошла на нет, а уровень ксенофобии порой зашкаливает.

Предисловие к книге Клейн писал еще до образования президентской комиссии по борьбе с фальсификациями истории, «наносщими ущерб интересам России», но в свете этого постановления некоторые слова историка звучат весьма актуальным предостережением: «В стране мобилизовались силы, которым нужна приукрашенная отечественная история. Они поддерживают настроения «ультрапатриотизма», а этот вирус задевает и профессионально образованных людей, специалистов. Антинорманизм, который уже исчез со страниц серьезных изданий, став уделом популяризаторов и дилетантов, начал снова пробиваться в профессиональную печать и публицистику». В книге приведено несколько рецензий Клейна на труды новейших антинорманистов, возрождающих старую теорию о балтском происхождении этнонима «Русь» и Рюрика, с которой начинался научный антинорманизм во времена Ломоносова. Эта теория не имеет никаких оснований ни в лингвистике, ни в археологии, ни в наиболее древних списках летописей и восходит к XVI веку, когда прусское происхождение

* Клейн Л.С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. – СПб.: Евразия, 2009. – 400 с.

ние Рюрика стало частью официальной концепции происхождения правящей династии, возводившей ее, в конечном счете, к римскому императору Августу. Тогда она должна была подкрепить претензии Москвы на то, чтобы считаться «Третьим Римом». В советское время антинорманизм должен был подтвердить национальную исключительность и историческую самобытность происхождения российской государственности, ее независимость от влияния западных и прежде всего германских народов. Сегодня российский антинорманизм, стремящийся заручиться государственной поддержкой, также имеет, прежде всего, антизападную и антилиберальную направленность. Причем сейчас в норманисты зачисляются даже тех, кого в советское время традиционно числили антинорманистами. Как с тревогой отмечает Клейн, «достаточно признать, что варяги были скандинавами, норманнами – и ты уже норманист и, безусловно, антипатриот». Клейн признает, что именно возрождение антинорманизма в современной российской историографии побудило его издать рукопись, созданную почти полвека назад, чтобы показать, «как мы сумели отстоять возможности заниматься объективным исследованием варяжского вопроса в условиях тоталитарного строя и идеологического пресса, когда государственно-партийной нормой было четкое рассечение на норманизм и антинорманизм, а последний был единственно допустимой позицией для отечественных историков и марксистов». Думаю, это будет полезным для нового поколения российских историков, не имеющих опыта работы в условиях однопартийной диктатуры.

Вместе с тем, ученый абсолютно прав, когда возражает против запрета на антинорманизм: «Работы антинорманистов, безусловно, нужно печатать и читать. Желательно только добиваться от них соблюдения научной этики. Желательно дать им понять, что для них же лучше избегать брани и политических обвинений в адрес своих оппонентов, даже если позиции последних неизмеримо сильнее».

Клейн совершенно прав, когда утверждает, что возможности филологии в решении варяжской проблемы были исчерпаны к началу XX в., когда были выявлены уже практически все письменные источники и лингвистические факты по данной проблеме, и теперь главную роль в ее решении должна играть археология. Кстати сказать, в последнее время доказательство присутствия норманнов в Древней Руси дала также физическая антропология. Как отмечает Клейн, «антрополог С.Л. Санкина дотошным анализом доказала наличие среди древнерусских черепов определенно скандинавских».

Он настаивает, что там, «где пришлые варяги соприкасались с угро-финнами, массажи расселялись и славяне, становясь коренным населением, а везде, где среди пришельцев преобладают мужчины, язык их уступает местному, потому что дети усваивают язык в основном от матери». Тут надо заметить, что

в книге Клейна как раз приведено множество свидетельств, что в скандинавских захоронениях в Восточной Европе в массовом количестве обнаружены женские фибулы, которые и являются одним из главных этнодифференцирующих признаков захоронений норманнов. Из этого факта следует, что в IX–X веках в норманнских поселениях на территории Руси было значительное число скандинавских женщин и, скорее всего, массовой ассимиляции норманнов славянами, балтами или угро-финнами до принятия ими всеми христианства не произошло. Как отмечается в помещенной в книгу статье археологов Владимира Петрухина и Татьяны Пушкиной, «значительное распространение украшений скандинавских типов свидетельствовало не только о присутствии на Руси отрядов норманнов, с чем даже радикальные антинорманисты вынуждены были смириться, но и о том, что воинов на Руси сопровождали женщины, а это уже мало походило на присутствие в Восточной Европе лишь разрозненных и «неуправляемых отрядов» авантюристов (Б.А. Рыбаков)».

Клейн также обращает внимание на то, что норманнам было свойственно «поверье, что на чужих землях правят местные боги». Из-за этого, «приставая к чужим берегам, они прятали своих богов в трюмы кораблей и поклонялись местным богам... Захват норманнами Нормандии на французской территории несомненен. Между тем уже через несколько поколений нормандцы говорили исключительно на французском языке (как русские варяги на славянском) и при Вильгельме Завоевателе французский (а не норвежский или датский) привезли в Англию. Однако никто же на этом основании не заключал, что Нормандия основана не норманнами, а французами, похожими на норманнов. Просто потом норманны стали французами, как в России они стали славянами». Тут можно заметить, что на некоторые территории в Восточной Европе, норманны, судя по археологическим данным, цитируемым в книге Клейна, пришли одновременно со славянами, финно-уграми и балтами. Скорее всего, пантеон богов у варягов был эклектичный. Например, бог Перун «Повести временных лет» – это на самом деле балтский, а не славянский бог (от балтского *perkons* – гром, гроза, тогда как славянской этимологизации слово «Перун» не имеет). Клейн также указывает, основываясь на археологических материалах, на позднее (IX–X веках) «появление славян в лесной зоне их нынешнего ареала».

Используя единственно лингвистически обоснованную этимологию слова «русь» (от древнескандинавского *rother* – гребцы, участники похода на гребных судах), можно показать тождественность тех процессов, который протекал при миграциях норманнов на запад и на юг от Скандинавии. При морских походах на запад мы имеем дело с викингами (от древнескандинавского *vik* – морской поход на парусных судах, отсюда *viking* – участник похода на парусных судах). «На юге же, на торго-

вом пути из варяг в греки», норманнам приходилось идти по рекам, нередко против течения, используя гребные суда. Поэтому они называли себя «русью». Весьма показательно, что в сообщении Бертинских анналов за 839 год о русском посольстве слово «прус» («русь») уже имеет значение этнонима и, вне всякого сомнения, относится к норманнам. Чтобы обозначение социально-профессиональной группы превратилось в этноним, должно смениться, как минимум, одно поколение. Значит, норманны должны были появиться в Восточной Европе уже в самом начале IX века. Поскольку варяги-русь осваивали, прежде всего долины рек, по которым также селились славяне, норманны-русь завоевали славян, используя преимущества своей военной организации и вооружения. Но так как наиболее плодородные земли были расположены по долинам рек, славяне вынуждены были терпеть завоевателей и платить им дань. Замечу также, что для походов на Византию норманны вряд ли нуждались в помощи славянских и финских ополчений, боевая ценность которых была невелика. Легенда же о призвании варягов, отраженная в «Повести временных лет», понадобилась для обоснования легитимности правящей династии норманнского происхождения, которая, по выражению Клейна, в отличие от норманнов в Западной Европе, подзадержалась на Руси на несколько веков. Историк не без оснований полагает, то обстоятельство, что в России говорят о «призвании варягов», а в Западной Европе о «нашествии норманнов», «вряд ли... отражает какое-то особое качество норманнского вторжения в Гардарики (норманны здесь были такими же, как везде, но условия другими). Скорее, это следствие того, что в России, как в Нормандии и Англии, надолго закрепилась норманнская династия, и ее окружению требовалось обосновать легитимность правления... Впрочем, сам эпизод призвания мог и иметь место, но после вторжения советских войск в Чехословакию и Афганистан (и то, и другое было обставлено «призванием») (добавлю, что точно таким же «призванием» сопровождалось и вторжение советских войск в Венгрию в 1956 г. – Б.С.) мы хорошо понимаем, что реальность «призвания» и наличие «призывающих» не имеют никакого значения для сути событий». Тем более, что призывать норманнов в IX веке среди восточных славян было просто некому, поскольку никаких протогосударственных образований у них в ту пору не выявлено. Здесь ситуация принципиально отличается от ситуации Византии, где существовала многовековая и весьма развитая государственность. Там действительно было, кому нанимать варягов на службу, и чем им платить.

Как особо подчеркивается в книге Клейна, «сугубыми грабителями и разбойниками норманны-викинги выступали там, где возможен был быстрый массовый десант с морских кораблей или опустошение окрестностей такого порта. Это Западная

Европа. В восточнославянских землях возможно было лишь продвижение по рекам, в распоряжении викингов были только лодки-однодеревки, приходилось больше полагаться на пешие набеги небольших отрядов, торговлю и взимание дани. А установлением власти норманны не брезговали и на Западе». И, как указывает историк, мирные способы проникновения норманнов в Западную Европу в последнее время также стали привлекать внимание исследователей. Только ни на Западе, ни на Востоке никому не могло прийти в голову призывать норманнов на царствование для защиты от внешней угрозы. Они как раз и были одной из самых опасных внешних угроз, так что в Западной Европе читали даже специальную молитву: «Спаси нас, Боже, от норманнов...» Разница заключалась только в том, что в Западной Европе норманны встретили более высокую цивилизацию римского происхождения, и вся их деятельность протекала под пристальным взглядом современников-летописцев. На Востоке же норманны сами были для славянского и угро-финского населения носителями таких элементов цивилизации, как торговля и военное дело. Не случайно города на территории Руси, как показано в книге Клейна, возникают как раз с приходом варягов. Летописание же на Руси возникло только в XII веке, через полтора века после исчезновения варягов, так что источником летописцев о событиях IX-X веков, стала не слишком достоверная устная традиция и легенды.

Суммируя археологические данные о скандинавском присутствии на территории Древней Руси, Клейн подчеркивает, что норманнские погребения составляют значительную часть богатейших погребений. Но есть и погребения рядовых пришельцев, особенно в Тимеревском могильнике. «Сначала эти группы норманнов поселяются в стратегически важных пунктах в северной части восточнославянской территории и сферы славянской колонизации финских земель, а позже расширяют эти очаги и распространяются на юг. Даже в тех районах, где они поселились, они обычно не составляют большинства, но явно владеют ситуацией. Рядовые скандинавы осваивают земли... больше среди финских племен. Значит, по археологическим данным прослеживается продвижение групп знатных и богатых норманнов с оружием, поселяющихся среди местного населения и иногда отдельно. С ними прибыло и некоторое количество столь же знатных скандинавских женщин. Шли с северо-запада и рядовые скандинавы, поселяясь для обработки земли и занятий ремеслом. И в Ладоге, и на Рюриковом городище действовали мастерские, изготовлявшие вещи норманнского типа». Все это указывает на завоевание, а не на призвание. К тому же доля скандинавов в населении оказывается значительной. Клейн совершенно справедливо утверждает, что надо подсчитывать долю скандинавских погребений не среди всех погребений данного могильника, а только среди этнически определимых, и что нео-

пределимые в этническом отношении захоронения никак нельзя огульно считать славянскими. Иначе бы пришлось каждого беспашпортного иностранца в России автоматически числить русским. В Киевском некрополе доля норманнов – 18–20%, в Гнездовском могильнике под Смоленском – 13% (по сравнению с 27% славянских захоронений. А в Тимеревском могильнике в Ярославском Поволжье среди захоронений X века скандинавских оказывается 13%, славянских – 12%, остальные принадлежат местному финскому населению. Характерно, что уже в начале XI века в Тимеревском могильнике доля норманнов падает до 3,5%, а доля славян возрастает до 24%. Это указывает на интенсивное развитие с конца X века процесса ассимиляции славянами норманнов. Это было вызвано принятием Русью византийского христианства и сильным влиянием югославянской культуры Византии, которую приняла русская правящая верхушка. Петр Струве был прав, когда писал: «Варяго-россы восприняли православие из Византии, но через Болгар и в славянской языковой форме. И это славянское православие они перенесли в Киев и Новгород, им христианизировали «ужу ныне зовому Русь», а самих себя этим славянским христианством ославянили» (Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. С. 460). На протяжении XI века происходит почти полная христианизация населения. Это доказывает нам археология, поскольку в захоронениях трупосожжение сменяется трупоположением. И тогда же происходит слияние сла-

вян, норманнов, финно-угров и балтов в единую древнерусскую народность со славянским языком. Общий вывод Клейна о характере норманнской миграции в восточной Европе в IX–X веках сомнений не вызывает. Он заключает: «Конечно, можно сообщить, что в ключевых пунктах страны вооруженные группы пришельцев расположились неспроста. Можно также учесть, что они большей частью богаты, и эта аккумуляция богатства в руках пришельцев показательна. Это косвенные признаки захвата власти. Они, как и другие археологические данные, по-настоящему заиграют только при сопоставлении с русскими летописями, византийской хроникой, арабскими сочинениями, скандинавскими сагами и эпиграфикой, с данными лингвистики и ономастики. Но они не лишние – в этом синтезе они придают выводам глубину, хронологическую и географическую четкость и содержательную насыщенность, увеличивая их доказательную силу».

При этом исследователь всегда отвергал расистские крайности, присущие некоторым зарубежным норманнистам, утверждая, что нельзя говорить о генетической неспособности русского народа «к созданию и совершенствованию государственной организации», поскольку «исторический опыт показывает, что любой народ способен к неожиданным свершениям, и русский народ, вобравший в себя многие другие, показал немало таких свершений». Но эти крайности отнюдь не оправдывают антинорманизм и не делают его научной теорией.

ПИСЬМА И ВСТРЕЧИ

Поездки

Поездка в Нижний Новгород

По приглашению Владимира Михайловича Строгоцкого, давнего подписчика журнала «Посев», директор Содружества «Посев» Б.С. Пушкарев и главный редактор журнала Ю.С. Цурганов 16–17 октября посетили Нижний Новгород. В.М. Строгоцкий, завкафедрой культурологии и древних языков в Нижегородском Государственном Лингвистическом Университете, (НГЛУ) устроил обсуждение книги «Две России XX века» в одной из аудиторий университета. Несмотря на широко распространенные приглашения, явились преимущественно студенты, около 35 человек. Б.С. Пушкарев в течение получаса изложил основные тезисы книги, а Ю.С. Цурганов рассказал об общей книгоиздательской деятельности «Посева». Проф. В.М. Строгоцкий поставил эти доклады в контекст ведущейся ныне в стране дискуссии о советском наследии. Вопросы, ответы выступления длились 2 часа и студенты стали расходиться лишь под самый конец. На следующий день, как мы позже узнали, дискуссия продолжилась на заняти-

ях В.М. Строгоцкого. Нынешние студенты – это первое поколение русских людей, уже не живших под советской властью, и в этом отношении характерен вопрос одной девушки: «Вот я не знаю, кому верить: вы говорите, что при советской власти было плохо, а моя бабушка говорит, что было хорошо, на Новый год были апельсины и шампанское, и дважды в год она ездила на Черное море, а теперь не может». Мы постарались объяснить студентке, почему наши показания и показания ее бабушки не противоречат одно другому. Библиотека НГЛУ и Нижегородская областная библиотека получили подборку последних книг «Посева», и дополнительные экземпляры были высланы почтой.

Выступление в Симбирске

По инициативе члена НТС с 1954 года Владимира Михайловича Воронина, руководство областной библиотеки в Симбирске 20 октября устроило презентацию книги «Две России XX века». Мероприятие, одобренное администрацией области, было тщательно подготовлено Светланой Александр-

ровой Кильдюшевой, ученым секретарем библиотеки. Изучив книгу, она сказала вводное слово на собрании и вела его. В зале бывшего Дворянского собрания присутствовало более 60 человек. После получасового сообщения Б.С. Пушкарева, отметившего отличия нашей книги от ставших традиционными советских взглядов, последовали вопросы, большинство которых, как обычно, походило скорее на выступления. Один профессор местного вуза, коммунист, сказал, что книга возможно и оправдана как научное исследование, но допускать ее как учебник для молодежи никак нельзя, поскольку мол советскую власть и так по телевидению все время поливают помоями всякие Сванидзе, а тут еще это... Был и такой вопрос:

– А вы не боитесь, что вас обвинят в фальсификации истории?

– Нет, потому что фальсификацией заняты они, а не мы.

Или такой вопрос:

– А у вас был личный контакт с власовским движением?

– Например, в апреле 1945 года на вокзальной платформе в Чехии один майор РОА, указывая на

меня, сказал: вот он, быть может, доживет до того времени, когда идеи Власова восторжествуют.

– Ну и что же, по-вашему, они восторжествовали?

– В значительной мере, да.

Одна весьма пожилая дама очень эмоционально сетовала на то, что эмигранты не только бежали за границу, но там еще выступали против своей родины. Здесь Оксана Артуровна не выдержала и выступила с не менее эмоциональным словом в защиту ценности человеческой жизни. Затем последовало ее же сообщение об издательской работе «Посева». Подборка наших книг, включая 1100-страничный справочник по офицерам РОА К.М. Александрова, была передана в дар библиотеке. Местное телевидение взяло интервью у Пушкарева, Кузнецовой и Кильдюшевой и сюжет о собрании был в тот же вечер показан в местных новостях. Стоит отметить, что группа местных предпринимателей сейчас ведет кампанию за возвращение городу Ульяновску исторического имени Симбирск. В помощь их работе были отправлены экземпляры нашей «Черной книги имен, которым не место на карте России».

БСП

Юбилей

22 октября исполнилось 80 лет директору московского Содружества «Посев», а в прошлые 12 лет председателю Народно-Трудового Союза, Борису Сергеевичу Пушкареву. Приветствовать юбиляра на небольшую дружескую встречу в помещении «Посева» собрались нынешний председатель НТС А.Н. Шведов, председатель ИБ Совета НТС В.А. Сендеров и сотрудники издательства. Встреча, организованная О.А. Кузнецовой и Л.И. Шахматовой прошла в тёплой, семейной обстановке.

Соб. инф.

«Прекратить преследование учёных и вмешательство в исторические исследования»

Попытки регламентации и цензурирования исторических исследований недопустимы в свободной стране, противоречат Конституции Российской Федерации и основополагающим международным актам по правам человека. Научное сообщество не нуждается в чиновном контроле, партийном руководстве и бюрократических указаниях, от которых зависит возможность изложения собственной точки зрения, составительской дискуссии или беспрепятственных занятий с архивными документами. Академические институты достаточно авторитетны и самостоятельны, чтобы выступить квалифицированными экспертами в научной полемике, которую лишь дискредитиру-

ют любые «комиссии по борьбе с фальсификациями истории». В действительности подлинной фальсификации отечественной истории способствует закрытое хранение многих бесценных архивных материалов и новые попытки мифологизации недавнего прошлого.

Мы заявляем решительный протест в связи с возбуждением 13 сентября 2009 года следователем по особо важным делам следственного управления Следственного комитета при прокуратуре РФ по Архангельской области В.В. Шевченко уголовного дела против заведующего кафедрой «Отечественной истории» Поморского государственного университета, профессора, доктора историчес-

ких наук Михаила Николаевича Супруна и начальника Информационного центра (ИЦ) УВД по Архангельской области (АО) Александра Васильевича Дударева.

М.Н. Супрун подозревается в том, что якобы «из корыстных побуждений с целью последующего сбыта решил организовать и осуществить сбор и формирование в электронную базу данных сведений о репатриированных с территории Германии по окончании Второй мировой войны граждан СССР, являющихся этническими немцами и поляками, высланных в административном порядке в период 1945–1956 годов на территорию Архангельской области (в дальнейшем спецпереселенцев)». В дальнейшем, М.Н. Супрун якобы «умышленно, путем уговоров склонил начальника ИЦ УВД АО А.В. Дударева обеспечить ему и указанным им лицам беспрепятственный доступ к проверочно-фильтрационным делам спецпереселенцев». А.В. Дударев подозревается в том, что «отдал указание подчиненным ему сотрудникам архива ИЦ УВД АО допускать в архив Супруна М.Н. и указанных тем лиц».

Впервые за многие минувшие десятилетия сотрудники следственных органов вновь произвели обыски у ученых-историков, изъяв не только электронные носители информации, но и документы, выявленные М.Н. Супруном в результате многолетних и кропотливых исследований в отечественных и зарубежных архивах. Травмированы не только подозреваемые, но и члены их семей, близкие, ученики... Остановлен официальный важный проект по формированию базы данных о репрессированных, осуществлявшийся Поморским университетом и Немецким Красным Крестом. Возмутительный характер этого чудовищного, псевдоправового действия, который наносит огромный ущерб имиджу России и научному историческому сообществу, не вызывает у нас сомнений. На самом деле, в соответствии со статьей 18 Закона «О реабилитации жертв политических репрессий», «списки лиц, реабилитированных на основании настоящего Закона, с указанием основных биографических данных, обвинений, по которым они признаны реабилитированными, периодически публикуются органами печати». При этом дело против М.Н. Супруна и А.В. Дударева было возбуждено до окончания работ и публикации ими каких-либо сведений о репрессированных.

Фактически у нас на глазах создается опасный прецедент, на основании которого можно возбудить уголовное преследование любого историка, чьи исследования по каким-либо причинам покажутся неудобными или негодными власти. В перспективе – это возвращение к самым мрачным временам в истории советского государства, сломанные судьбы и обесцененные научные труды. Мы выражаем солидарность с нашими коллегами в Архангельске и заявляем об их моральной поддержке. Сегодня безразличие представителей российского истори-

ческого сообщества к настоящему делу будет означать корпоративное предательство. Необходимо прекратить преследование ученых и вмешательство в исторические исследования по надуманным поводам и предлогам. Мы требуем прекращения уголовного дела в отношении Михаила Николаевича Супруна и Александра Васильевича Дударева, принесения извинений причастными к нему официальными лицами, компенсации ученым нанесенного им морального ущерба и возвращения всех изъятых на обысках документов и материалов.

Борис Ананьич, академик РАН, **Рафаил Ганелин**, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН;

Доктора исторических наук: **Пётр Базанов**, профессор Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства, **Виктор Бердинских**, профессор Вятского государственного университета, **Андрей Зубов**, профессор МГИМО(У) МИД РФ, **Борис Колоницкий**, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, **Сергей Красильников**, зав. кафедрой Отечественной истории Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН, **Владимир Носков**, зав. отделом Санкт-Петербургского Института истории РАН, **Николай Смирнов**, зав. группой Санкт-Петербургского Института истории РАН, **Алексей Цамутали**, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН, **Александр Чистиков**, зав. отделом Санкт-Петербургского Института истории РАН;

Кандидаты исторических наук: **Кирилл Александров**, научный сотрудник (Санкт-Петербургский государственный университет), **Надежда Белова**, преподаватель кафедры философии и истории Вологодского института права и философии, **Геннадий Бордюгов**, руководитель Международного Совета Ассоциации исследователей российского общества (Москва), **Владимир Ведерников** (Санкт-Петербург), **Александр Гогун**, докторант кафедры истории Восточной Европы Университета им. А. Гумбольдта (Санкт-Петербург), **Борис Дубенцов**, доцент, ученый секретарь Санкт-Петербургского Института истории РАН, **Надежда Игнатова**, старший научный сотрудник Института языка и литературы Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар), **Николай Копосов**, доктор философских наук, директор исследований Хельсинки-Коллегиум Хельсинского университета, **Александр Кузьминых**, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики, **Константин Обозный**, (Псков), **Сергей Подболотов** (Санкт-Петербург), **Алексей Раков**, старший преподаватель кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (Москва), **Михаил Рогачёв**, главный ре-

11/2009

доктор Коми республиканского мартиролога жертв массовых политических репрессий (Сыктывкар), **Борис Соколов**, доктор филологических наук, член Русского ПЕН-Центра (Москва), **Никита Соколов**, редактор отдела «Общество» журнала «New Times» (Москва), **Дина Хапаева**, Хельсинки-Коллегиум Хельсинского университета, **Юрий Цурганов** (Москва), **Владимир Черняев**, Санкт-Петербургский Институт истории РАН, **Игорь Шауб**, доцент кафедры западноевропейской и русской культуры исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета;

Яков Гордин, писатель, историк, главный редактор журнала «Звезда» (Санкт-Петербург), полковник в отставке **Валентин Ещенко**, главный редактор журнала «Военно-исторический архив» (Москва), полковник в отставке **Лев Лопуховский**, историк, кандидат военных наук (Москва);

Доктор **Дитмар Нойтац**, профессор Института Восточно-Европейских исследований Фрайбургского университета (Фрайбург), доктор исторических наук **Александр Потыльчак**, профессор, зав. кафедрой источниковедения и специальных исторических дисциплин Национального педагогического университета имени М. П. Драгоманова (Киев), доктор **Анатолий Шмелёв**, зам. куратора русских коллекций Гуверовского Института Стэнфордского университета (Пало-Альто), доктор

Арон Шнеер, сотрудник мемориала Яд-Вашем (Иерусалим);

Доктор географических наук **Павел Полян**, профессор, ведущий научный сотрудник Института Географии РАН (Москва), доктор филологических наук **Светлана Шешунова**, профессор кафедры лингвистики Международного университета «Дубна», кандидат социологических наук **Андрей Творогов**, доцент кафедры философии и истории Вологодского института права и философии, кандидат технических наук **Роберт Битюгов**, доцент Санкт-Петербургского Института Машиностроения, **Вадим Белолугов**, директор центра военных и военно-исторических исследований Гуманитарного университета (Екатеринбург), **Роман Биланчук**, зав. отделом краеведения Вологодской областной универсальной научной библиотеки, **Николай Кедров**, аспирант Санкт-Петербургского Института истории РАН, **Валентин Кожевников**, соискатель кафедры Всеобщей истории Вологодского государственного педагогического университета, **Татьяна Мельник**, историк-краевед, член Архангельского отделения Российского общества историков-архивистов, член Международной организации «Русский плен», **Александр Ефимов**, историк, редактор издательства «Святая Гора» (Москва), **Владимир Сорокин**, сценарист, драматург (Москва).

Заведующему кафедрой отечественной истории Поморского Государственного Университета в Архангельске Михаилу Супруну и полковнику УВД Архангельской области Дудареву, которые занимаются научным проектом, посвященным немецким военнопленным в России, предъявлено обвинение в «сборе и распространении информации, носящей конфиденциальный, личный характер» (ч.1 ст.137 УК РФ, карается штрафом или исправительными работами). Он и полковник Дударев выступают исполнителями в совместном российско-немецком проекте «Этнические российские немцы, репрессированные в 40-е годы». В сентябре Супрун, его аспирантка, а также полковник Дударев были задержаны по обвинению в «сборе и распространении информации, носящей конфиденциальный, личный характер». ФСБ по Архангельской области провела обыски в их домах и на местах работы. У ученого изъяли весь архив, все компьютеры и другие электронные носители, часть письменного архива, печатного архива, среди которых были документы по российской истории, которые Супрун вывез в 1999 году из архивов США и Европы. Историк отметил общую нервозность обстановки. «Понятно, что это абсурд, – сказал он. – Такие книги памяти начали появляться еще в годы перестройки и существуют практически в каждой области, причем их создание инициировалось, как правило, прокуратурой». Проект «Этнические российские немцы, репрессированные в 40-е годы» и его продолжение «Немецкие военнопленные на русском Севере» осуществляются на основе договора, подписанного председателем Красного Креста Германии, начальником УВД Архангельской области и ректором Поморского университета. В качестве исполнителей от каждой из сторон выступают соответственно председатель Общества российских немцев в Германии доктор Антон Бош, полковник Дударев и завкафедрой отечественной истории Поморского Университета Михаил Супрун. «Книги памяти – одна из опорных точек памяти о сталинизме. Эти книги, издающиеся в большинстве регионов России, образуют сегодня библиотеку объемом почти в 300 томов. В них содержится в общей сложности более полутора миллионов имен казненных, приговоренным к лагерным срокам, депортированных. Это серьезное достижение, особенно если вспомнить сложности доступа ко многим нашим архивам, хранящим материалы о терроре», – рассказал председатель правления «Мемориала» Арсений Рогинский. Супрун – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, автор более 130 научных работ, в том числе: «Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв.», «Ленд-лиз и северные конвои», «Освобождение Восточного Финнмарка». В настоящее время он возглавляет региональный общественный Поморский научный фонд содействия развитию науки и культуры на Русском Севере.

Соб. инф.

Александр Арсеньев, Москва

Баку следует навсегда забыть о Карабахе

Прочитав статью Александра Горянина «Азербайджан и Армения на весах реальности», не могу отделаться от мысли, что писал ее официальный представитель азербайджанского агитпропа. Те же «заходы», те же лукавые сравнения и псевдофакты, преподносимые читателю, как истина в последней инстанции.

Ну, например, г-н Горянин пишет, что «когда решала третья сила (англичане, большевики – А. Арсеньев), Нагорный Карабах вручался Азербайджану». Совершенно верно, но кто сказал, что сегодня армяне позволят современным мини-империалистам то, что падким на нефть и мировую революцию империалистам удалось в начале века XX? Ведь есть куда как более актуальные примеры Восточного Тимора или Косова.

Кстати, о Косове и Карабахе. Как можно утверждать, что Карабах «для азербайджанцев – сердце их родины», если прекрасно известно, что до 1918 года на карте мира был лишь один Азербайджан – Персидская провинция южнее Аракса, а название «азербайджанцы» в СССР стало употребляться и вовсе после 1936 года (даже по переписи 1936 г. они именовались «тюрьками»). Наконец, о каком таком «сердце» идет речь, если науке известно, что первые кочевые тюрки появились в Нагорном Карабахе в середине XVIII века, а вот об армянах в Арцахе (Карабахе) было известно из источников, начиная с древнегреческих, и, заканчивая российскими. И все это многократно опубликовано в самых разных сборниках и трудах.

Откровенно искажено в статье время начала вражды и противостояния, реально начавшихся с резни армян в Сумгаите, в феврале 1988-го. О мнимых притеснениях азербайджанцев в Армении в конце 1987 г. можно прочитать лишь на сайтах Азерагитпропа. Но вы ничего не найдете об этом, перелистав подшивки газет тех лет: официальных советских, полулегальных правозащитных, и западных, включая записи «радиоголосов». Зато о погроме в ноябре 1987 года в армяно-карабахском селе Чардахлу (родине маршалов И. Баграмяна и А. Бабаджаняна) можно было прочитать даже в советской прессе (материал А. Беккера «У прошлого в плену» в «Сельской жизни» от 24.12.1987).

Лукавит А. Горянин, когда говорит, что «война была бы не под силу карабахским армянам в одиночку при соотношении 1:50». Но ведь армяне и не отрицали участия в войне добровольцев из Армении. К тому же в самом Карабахе под ружьем тогда было практически все взрослое мужское население, включая многих пенсионеров (были среди них и ветераны Второй мировой) и подростков, а бакинские и иные азербайджанцы бежали от этой войны кто куда: в Россию, Украину, Турцию, Германию. Так что и реальное соотношение было

не 1:50 а один к 6–7, а уж кто как тогда воевал, мы прекрасно знаем.

То же можно сказать и по демографическим «выкладкам» А. Горянина: приводя «списочное» и «реальное» количество жителей Армении и Азербайджана (кстати, занижая «списочный» показатель по Армении), автор «забывает» вычестить из числа жителей Азербайджана те 3–3,5 миллиона, которые за годы независимости «проголосовали ногами», убежав в страны СНГ и дальнего зарубежья от Алиевского «нефтяного рая». Вот и получается, что сегодня в Азербайджане живет не более 3,5–4 миллионов населения. Между прочим, очень многие армянские граждане, проживая в России, приезжают на родину, чтобы отслужить в армии: человеку, не служившему, в стране перекрыты дороги на госслужбу (так это и в Израиле). Ничего подобного об азербайджанских юношах в России или на Украине что-то не слышно...

Наконец, еще об одном мифе Азерагитпропа: «мощный, развивающийся Азербайджан» и «маленькая, хиреющая Армения». В опровержение этих мифов приведем лишь два факта из международных (а не национальных) источников.

Если проанализировать один из важнейших показателей ООН – индекс развития человеческого потенциала, окажется, что Республика Армения на протяжении последних лет опережала в этом направлении всех своих соседей по региону. В «Докладе о развитии человека 2007/2008» места стран региона в мировом рейтинге ИРЧП распределялись следующим образом: Армения – 83 место, Турция – 84-е, Иран – 94-е, Грузия – 96-е, Азербайджан – 98-е.

Армения заняла 101-ю позицию в рейтинге нестабильных (несостоявшихся) государств (Failed States), опубликованном в августе 2009 г. американским журналом Foreign Policy. 101-я позиция Армении означает большую стабильность, чем у соседней Турции, занявшей 85-е место. Азербайджан же занял 56-ю строку рейтинга нестабильности, попав в единую условную группу с такими странами, как Замбия, Того, Руанда и Лаос.

Такие вот дела. Но все это отнюдь не главное. Главное в том, что армянский народ Нагорного Карабаха кровью завоевал свою свободу, и никому и никогда ее не отдаст. И не преподнесет Баку на «блюдецке с золотой каемочкой» прилегающие к НКР территории «пояса безопасности», состоящие из районов бывшей АзССР. И это, похоже, прекрасно понимают в Баку. Вот и приходится вещать на наивных россиян посредством российских же СМИ об успехах Баку в «покорении космоса» («Независимая газета», 18.08). Что же еще остается, когда о покорении Карабаха говорить не приходится?

Алексей Кулыгин

Любовь к «отеческим гробам»...

Здравствуйтесь, друзья!

Прочёл в № 3 статью А. Тараненко, и мне захотелось рассказать об уважении к чужим гробам в Германии.

После Дабендорфа я получил назначение в артиллерийский полк 2-й дивизии РОА, формировавшейся в Мюнхене. Юг Баварии, «немецкая Швейцария». Получив новенький «Парабеллум» я решил его пристрелять и отправился в окрестности городка.

Было начало марта, весна благоухала. За каждым поворотом дороги открывались всё новые красоты! Моя юность проходила в красотах Алтая, не уступавших баварским. В воспоминаниях я незаметно ушёл от городка. Наконец показался какой-то «дорф». Первое, что я увидел близ села, было кладбище, огороженное ухоженной оградой, у входа кружка для пожертвований, доверху набита немецкими марками. Песчаная дорожка к часовне. Внутри часовни амвон, столик завален деньгами, упавшие лежали на полу. По образам я понял, что это православный приход. Помолвившись, я положил на столик марки и пошёл на кладбище. Это было захоронение русских солдат, умерших в плену в Германии в 1915–1916 годах. Я долго ходил меж могил, читая имена, фамилии, номера полков Русской армии, места рождения воинов. Только рядовые. На могилах бетонные плиты, такие же кресты, дорожки усыпаны песком, чистота и порядок. Я вспомнил кладбище своей деревни, с просевшими могилами, полуистлевшими крестами, вместо ограды – канава от бродячей скотины, и никаких венков, цветов, только бурьян... Пока жива была церковь, ухожено было и кладбище. Красавицу церковь из лиственницы, высотой в 42 метра, с пятью маковками и колокольней, колокол которой был слышан на десять вёрст, варвары уже в 30-х годах разобрали на строительство скотных дворов, а нижний зал превратили в клуб. Не стало церкви, кладбище стало укором безбожному народу. Так почти и по всей Руси... В городах чуть получше. Но никакого сравнения с кладбищами Европейских стран. Даже бывшие области Западной Украины разительно отличны от городов Восточной Ук-

раины. Во Львове я по кладбищу ходил, как по музею под открытым небом: здесь могилы как памятники архитектуры. В чём же причина?

Прежде всего – кладбища надо отдать РПЦ! Дельцы ритуальных контор превратили человеческое горе в бессовестный бизнес! Смерть близкого человека стала двойным горем для родственников: горе – сама утрата близкого, да ещё непомерные расходы на похороны. Содержание самих кладбищ – позор для живущих. Кладбища скорее напоминают мусорные свалки. И пропаганду любви к «отеческим гробам» РПЦ должна ставить во главу с самим вероучением в Спасителя. И когда «Посев» рассказывает о любовном отношении японцев к чужим могилам, и то, о чём я рассказал, виденное мной в Германии, все это заслуга Церкви. Безбожие нашего народа привело к тому, что новорожденных выбрасывают на помойки. А грабительские цены в ритуальных заведениях приведут к тому, что покойников будут выбрасывать на мусорные свалки. Но в этом важном деле не только Церковь должна усердствовать, здесь и Власть должна употребить свою власть. Иногда создается впечатление, что многие свои обязанности Власть переложила на утративший человеческое лицо РЫНОК! Там, где уже веками живет рынок, там государство не выпускает из рук и свое право, свое решающее слово в решении любых проблем. Во всех неурядицах в США Москва всегда винит Буша, то старшего, то младшего. У нас президент России, как неприкасаемый индус, а вину возлагают на стрелочника. Я не припомню случая, чтобы в чем-либо вину винили Путина. У нас вину возлагают на умерших владык. Вот теперь во всех грехах 90-х годов винят Ельцина. Оказывается, он и алкоголик, и больной, и просто марионетка в своей «семье», и в руках чубайсо-гайдаровцев, и, даже, спецслужб США. Потому, что у нас вместо ОБЩЕСТВА – электорат?! Объединить и вразумить нас может РПЦ.

Я очень много возлагаю надежд на Пастыря нашей Церкви – Патриарха Кирилла!

О жизни нашей Матушки России хотелось бы поговорить еще. Но это в другой раз.

Будьте здоровы!